

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Маргарита ПОЛЯКОВА

ГЕРЦОГ ВСЕЯ КУРЛЯНДИИ

Тебе дали шанс!

Annotation

Маленькая страна, детское тело, далекое прошлое... неудачный расклад для попаданца. И то, что ты оказался сыном герцога, только усугубляет ситуацию. Слишком сильные соседи хотят поживиться за счет твоих земель, друзей в политике не существует, но однажды ты понимаешь, что окружающая тебя действительность довольно сильно отличается от того, что написано в учебнике истории. И теперь только от тебя зависит, воспользуешься ли ты представившимся шансом.

Маргарита Полякова

Герцог всея Курляндии

© Маргарита Полякова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

На высоком потолке, украшенном позолотой, лепниной и росписью, резвились пухлые ангелочки. Дудели в витые трубы, осыпали друг друга лепестками цветов, купались в облаках и сжимали в маленьких кулачках стрелы. Нарядный потолок подпирали многочисленные колонны и полуколонны из мрамора. На стенах, затянутых тканью, красовались громоздкие картины в тяжелых вычурных рамах. За огромными окнами с частой сеткой переплета виднелась зелень. И небо.

Огромная кровать класса «траходром на десять человек» стояла прямо посреди всей этой роскоши. Украшенные золотой вышивкой атлас, шелк, кружево, куча больших и маленьких подушек, и я сам, охреневший от происходящего. Где я, хотелось бы знать? И какого черта я здесь делаю?

Нет, мне случалось просыпаться в незнакомых местах. И не помнить, что там было вчера. Но было это в далекие студенческие времена, и закончилось вместе с ними. Последние лет двадцать мои встречи с алкоголем ограничивались парой-тройкой рюмок, не больше. Под хорошую закуску, в приятной компании, и не так уж часто. Когда работаешь в не самом маленьком банке и возглавляешь отдел финансовой безопасности, трезвая голова – это жизненная необходимость. Даже в нерабочее время.

Да и кроме выпивки всегда есть варианты для расслабления. У меня было целых три. Спортзал, увлечение живописью и музыка. С тренажерами я старался встречаться ежедневно, холст пачкал под настроение, а музыка в душе жила всегда. Созданная по молодости лет рок-группа потеряла половину своих создателей, но продолжала изредка собираться и даже выступать в ночных клубах. Для оставшихся это было отдушиной, способом отдохнуть от рутины привычных дел.

Словом, мое пробуждение в неизвестном месте никак не могло быть следствием пьянки. Подозрительных грибочков я вчера тоже не ел. И совершенно не помнил, чтобы вообще выходил из дома. После развода моя жизнь стала до тошноты однообразной. Как обычно, я вернулся с работы, выпил чашку чая (ужинать не хотелось), прилег перед телевизором и, скорее всего, заснул. Такое случалось. Вот только просыпался я обычно в своей квартире, а не в музее.

Воистину королевское ложе, на котором я восседал, было отделено от остальной комнаты невысоким позолоченным заборчиком. На фига, интересно? Приостанавливать слишком прытких придворных, спешащих выразить почтение? Так их и противотанковые ежи не остановят.

Я потерял глаза, но окружающая обстановка не изменилась. Наборный паркетный пол, изящные стулья на витых ножках, низкий столик из красного дерева, инкрустированный драгоценными камнями, секретер с искусной резьбой, на котором красовались антикварные статуэтки... Не знаю, что сделают со мной музейщики, когда найдут посреди всей этой роскоши, но явно ничего хорошего. На старинную мебель даже дышать не рекомендовалось, а я, похоже, умудрился нагло выпастаться на центральном экспонате.

Что делать? Ха! Можно подумать, у меня был большой выбор. Линять нужно отсюда, пока ветер без сучков. Может, еще обойдется. Ну а потом, когда приключение останется позади, будем думать, как я здесь оказался. И если это – шутка одного из моих друзей, мало им не покажется. Хотя вот так, навскидку, я не мог бы вспомнить среди своих знакомых ни

одного дебилоида, способного на подобную хрень.

О том, что не все так просто, как мне казалось, я догадался, только сверзившись с постели на пол. Встреча с паркетом была болезненной, а в голове достаточно прояснилось для того, чтобы осознать, что двигаться мне мешало длинное одеяние, похожее на ночную сорочку. Шелк, кружево, искусная вышивка... это одеяние ничем не напоминало мои любимые пижамные штаны. Да и тельце, запутавшееся в данном балахоне, не походило на мое собственное. Слишком мелкими были руки и ноги.

Я подвигал конечностями. Они меня слушались. Почти на автомате я поднялся на ноги и, придерживая подол слишком длинной ночнушки, шагнул к одному из множества зеркал. И вот тут-то меня прошиб холодный пот. Это было не мое отражение! Даже если бы я внезапно помолодел до десяти лет (а старше пацан не выглядел), то все равно не был бы похож на этого растерянного задохлика.

Я протянул руку и коснулся холодного стекла. Отражение повторило мое движение. Похоже, каким-то образом я попал в детское тело. И кому оно принадлежало – совершенно неясно. Впрочем, в данный момент меня больше интересовало, что стало с моим собственным телом. Я сполз по стенке и обхватил голову руками. Семья, родственники, друзья... неужели я всего этого лишился?

Что будет с родителями – я даже представить себе боялся. Не знаю, как они такое переживут. На младшую сестру надежды никакой, она сама будет в истерике. Даже бывшая жена, скорее всего, расстроится. Расстались мы довольно неплохо, без скандалов и битья посуды, а ребенка я обеспечивал от и до. И надо же – теперь я сам сделался ровесником своего сына!

Не знаю, сколько бы я еще сидел на полу и упивался собственным горем, если бы не услышал шум. Судя по всему, сюда шли какие-то люди. Я быстро вернулся в постель, нырнул под одеяло и сделал вид, что сплю. Высокие белоснежные двойные двери, украшенные позолоченной резьбой, распахнулись, и в комнату вошло человек десять. В основном это были слуги – судя по одинаковым красным костюмам, лакейским повадкам и куче всякой дребедени, которую они с собой притащили.

Единственный, кто выделялся из толпы – важный старичок, похожий на растолстевшего ворона, одетый во все черное: тупоносые туфли с пряжками, чулки с черными лентами, просторные штаны и камзол. Единственным белым пятном был широкий воротник, украшенный кружевом. Гм. Ну, можно предположить, что местные богатеи заставляют прислугу рядиться в одежды прошлых веков, но что-то мне подсказывает, что провалился я не только в другое место, но и в другое время. И, судя по нарядам, на дворе примерно семнадцатый, максимум восемнадцатый век. А исходя из того, что никого не напрягает мое присутствие в шикарной постели, нахожусь я здесь по праву.

Притворяться спящим было, конечно, проще, но вряд ли этим можно было заниматься бесконечно. И я изобразил процесс пробуждения. Потянулся, потер глаза и... буквально подскочил на постели из-за дикого грохота. Похоже, кто-то из слуг уронил поднос с посудой, но пялились собравшиеся не на неудачника, а почему-то на меня. Немая сцена. Гоголь. «Ревизор». Знать бы мне, во что я вляпался и что неправильно сделал!

Первым из ступора вышел мужик в черном. Он всплеснул своими короткими, толстыми ручками и налетел на меня, ощупывая со всех сторон. Я был в таком шоке, что даже не сопротивлялся. А из прочувствованного монолога (слова вылетали со скоростью автоматной очереди) выяснилось, что данный типус – доктор. Причем (если ему верить) гений,

поскольку вернул к жизни безнадежного больного. Не понял... это меня, что ли?

Слуги тоже отмерли. Часть кинулась убирать мусор, а часть исчезла из комнаты. Видимо, понесли весть о моем выздоровлении. Хотя я бы на их месте спешить не стал. Похоже, я попал в тело какого-то важного персонажа. Но вряд ли те, кто отвечает за жизнь этого пацана, порадуются обнаружившейся у него амнезии. Как я ни пытался сосредоточиться, память моего нынешнего тела так ко мне и не вернулась. И я понятия не имел, кто я теперь, где нахожусь и что мне со всем этим делать.

Единственное, что меня хоть как-то утешало – я понял речь доктора. Не знаю, на каком языке он разговаривал, но внутри меня как будто срабатывал переводчик, и я понимал смысл сказанного. Хоть что-то хорошее. Если бы я очнулся в чужом мире еще и без знания языка, дело было бы совсем кисло. Такое ни на какую амнезию не спишешь.

Двери в мою комнату снова распахнулись, но теперь толпа возжелавших меня навестить была намного больше и куда более богато одета. От блеска драгоценностей слепило глаза. Осматривавший меня доктор подскочил и согнулся в низком поклоне.

– Ваша светлость, как я и обещал, мне удалось вылечить вашего наследника, – не без гордости сообщил он.

Светлость... герцог, что ли? Ну, пусть будет герцог. Похоже, это отец моего нового тела. Изрядно поседевший, примерно 50-летний мужчина с бородкой-эспаньолкой и усами, как у Сальвадора Дали. Судя по тревоге в глазах, он явно волновался о здоровье своего ребенка.

– Мой мальчик! Я рад, что ты наконец очнулся. Как ты себя чувствуешь? – с волнением поинтересовался он, присаживаясь на постель.

– Наедине, – прошептал я. – Хочу поговорить наедине.

Герцог отстранился, пытливым взглядом на меня посмотрел и властно скомандовал:

– Все вон.

Толпа любопытных немедленно рассосалась.

– В чем дело, дитя мое? – поинтересовался он, как только мы остались вдвоем. – Что случилось?

– Я не помню, – вздохнул я и прикрыл ладонями лицо, чтобы не выдать случайной реакции. Актер из меня был тот еще, так что я решил изображать отчаяние, не пуская в ход мимику и лишние жесты.

– Что значит «не помню»? – вскинулся герцог.

– Ничего не помню. Ни кто я, ни где я. Даже имени своего не помню. Очнулся, а вокруг все словно чужое. Страшно.

Последнее даже играть не пришлось. Мне реально было не по себе. Мало того что я оказался неизвестно где, так еще и вселился в шкуру наследника герцогского рода! Если окружающие заподозрят неладное, мне конец. Блин, и почему тот, кто меня сюда закинул, вместе со знанием языка не дал воспоминаний? Насколько все было бы проще!

– Значит, ничего не помнишь, – нахмурился герцог. – Однако же догадался попросить поговорить со мной наедине.

– Так я же память потерял, а не разум. Кому и чего нужно знать – решает глава семьи. А то слуги быстро разнесут сплетню, – передернул плечами я. – И дойдут ненужные слухи до того, кому их и вовсе знать не следует.

– Да еще и приврут, чтобы меня очернить, – кивнул мужчина. – Скажут, что сын умом скорбен и наследовать не вправе. А власть... она слабости не терпит.

Власть! Мне бы сейчас жизнь сохранить, это гораздо актуальнее! Ну и выяснить, где я

нахожусь и кто я такой. А то даже своего нового имени не знаю. И к новоявленному родителю должным образом обратиться не могу. Попасть в местный вариант Бедлама как-то не хочется. А потому нужно будет врасти в этот мир как можно быстрее.

– Скрыть твою потерю памяти будет трудно, – задумался герцог.

– Верный человек! – предложил я. – Пусть на первых порах рядом со мной будет верный человек. Он постепенно объяснит, что к чему. А остальным сказать, что болезнь моя не до конца отступила, и что говорить мне сложно.

– Каков! – гордо воскликнул мужчина. – Нет, род наш по-прежнему силен, раз даже несчастья ему на пользу идут. То ты все игрался, учиться не желал, а как рядом со смертью побывал, так и осознал, что значит жизнь наследника.

– Я буду стараться стать достойным нашего великого рода!

И давая это обещание, я собирался его выполнить. Раз уж я оказался в чужом мире, нужно было как-то здесь устроиться. А у меня еще и неплохой трамплин оказался. Наследник герцога! И, судя по обстановке, довольно богатого. Глупо будет этим не воспользоваться. Да, каким бы странным это ни казалось, нужно привыкать, что я не сорокалетний мужчина, а десятилетний пацан. И у меня теперь другая судьба и другие родители. А вся моя прошлая жизнь... лучше ее не вспоминать, чтобы не расстраиваться. Нужно приспособливаться к тому, что есть.

Доктор, которому было позволено вернуться и вновь меня осмотреть, запретил мне вставать с постели. По-видимому, хотел еще несколько дней наслаждаться славой человека, который успешно лечит наследника. Мне это было на руку. Несколько дней на то, чтобы освоиться в новом для себя мире, были просто необходимы. Ну и не составило особого труда изобразить, что мне больно разговаривать, результатом чего стал запрет на беседы.

В ответ на разглагольствования доктора мой желудок подал голос, и народ тут же озадачился вопросом, чем бы меня накормить. По ощущениям, я мог бы съесть слона. Но для организма обжорство могло оказаться не слишком полезным, так что я согласился на легкий куриный суп с гренками.

Правда, прежде чем еда добралась до меня, ее попробовало несколько человек. Блин! Так и мне ничего не достанется! До меня дошло всего полтарелки. Причем кормили меня с ложечки, как младенца. Дескать, пока еще слишком слаб.

Радовало, что верный человек, насчет которого мы с моим новоявленным отцом договаривались, уже был рядом и намеревался остаться со мной в комнате. Отто честно служил герцогу уже больше двадцати лет, и теперь переходил ко мне по наследству. Он не должен был отходить от меня ни на шаг, пока я окончательно не поправлюсь. То есть, не начну чувствовать себя достаточно уверенно для того, чтобы действовать самостоятельно.

Выглядел Отто примерно лет на пятьдесят. Довольно крепкий, расторопный мужчина с умными серыми глазами. Он проследил за тем, как меня кормят, проводил слуг и высказал готовность «напомнить наследнику обо всем, о чем он только пожелает». Я даже завис, соображая, какой вопрос задать первым. Отто расценил это как нерешительность и призвал меня не стесняться. Дескать, кто, как не старый слуга, может помочь в столь деликатном деле?

В результате долгой, обстоятельной беседы выяснилось, что зовут меня Фридрих Казимир, что мне действительно десять лет, а на дворе стоит 1660-й год от Рождества Христова. Нахожусь же я в славном городе Гробине, в герцогстве Курляндском. А мой новоявленный отец – не кто иной, как Якоб Кетлер. Тот самый. Как при этом известии моя

челюсть не встретила с паркетным полом – понятия не имею.

Что я знал о Курляндии? Да не сказать, чтобы очень много. Хотя о Якобе Кетлере, конечно же, слышал. Как об успешном правителе. Отец моего нынешнего тела был поистине гениальным руководителем, который умудрился буквально из ничего создать богатую и процветающую страну.

Моя мать, Луиза Шарлотта Бранденбургская, в настоящий момент находилась в Берлине, куда отправилась в связи с дележом наследства недавно умершей матери. А Курляндия, в которой меня угораздило оказаться, действительно была богатой и успешной страной. Но именно «была», поскольку после недавней войны находилась в том самом месте, которое даже буквой «ж» обозначить язык не поворачивается.

Помнится, в старом советском фильме «Стакан воды» герой Лаврова говорит, что «если большое государство хочет завоевать маленькое, к этому нет никаких препятствий. Но если другое крупное государство хочет сделать то же самое, то у маленького государства появляется шанс на спасение. Большие державы сделают все, чтобы помешать друг другу». Похоже, Якоб Кетлер думал так же, выбрав тактику нейтралитета. И неплохо на этом нажился во время русско-польской войны, продавая припасы и той и другой стороне.

Но подобное положение дел продолжалось недолго. Шведы просто не могли пройти мимо богатой, но плохо защищенной страны. И никакие прежние договоры не помогли. Якоб оказался в плену, а герцогство безжалостно разграбили. Шведы так свирепствовали, что против них поднялись даже местные крестьяне.

Когда герцог, которому вернули его владения по Оливскому миру, увидел, насколько разорена Курляндия, он резко поседел и серьезно сдал. Даже замок в столице, Митаве, был разрушен. Ни оружия, ни продовольствия там не было, и вернуться туда герцог не смог. Словом, все было печально. И многие на месте Якоба Кетлера опустили бы руки. Однако герцог намеревался вернуть богатство и процветание своей стране. Даже если придется начинать практически «с нуля».

Но если моим отцом (а я пытался привыкнуть к мысли, что герцог мой отец) Отто искренне восхищался, то моя мать не вызвала у него теплых чувств. И он завуалированно попросил меня не говорить ей о том, что я потерял память. Дескать, нечего расстраивать герцогиню. Она натура утонченная, впечатлительная. Короче, если я правильно понял намек, язык за зубами держать не умеет.

Однако больше всего меня удивило количество близких родственников. Оказывается, я был вовсе не единственным ребенком в семье. У меня была старшая сестра Луиза Елизавета 14 лет и пятеро младших братьев и сестер. Шарлотта-Мария 9 лет, Амалия 7 лет, Карл Якоб 6 лет, Фердинанд 5 лет и двухлетний Александр. А еще двое умерли в раннем младенчестве. Мда. В семнадцатом веке королевские семьи, похоже, по количеству детей мало отличались от крестьянских.

Ну, Кетлерам, по крайней мере, не нужно задумываться о том, как прокормить семью. Отто с гордостью сообщил, что у Курляндии даже колонии есть. Это да. Это они мощно задвинули. Но, худо-бедно зная историю, я бы не был столь оптимистичен. Если Тобаго Якобу вернули, то колония на Гамбии для него однозначно потеряна. Насколько я помню, ее сначала прихватила амстердамская голландско-вестиндская компания, а потом еще и англы влезли. Ну, а что лаймам в руки попало, то пропало. Хрен вернешь.

Да и от последствий войны Курляндия долго восстанавливаться будет. Заводы и фабрики стоят, ценные и знающие работники (особенно иностранцы) разбежались или погибли, флот

уничтожен, а торговля приостановлена. Я бы сказал, что вернуть страну на прежний уровень – это безнадежное дело. Особенно учитывая количество вывезенных ценностей. Но когда я вспоминаю, из каких руин был восстановлен Сталинград... Понимаю, что дело в решимости. И если не опускать руки, то можно многое сделать.

Хм... может, поэтому меня сюда и забросили? Но почему именно в Курляндию? Это ж насмешка какая-то, а не страна. Прокладка между Швецией и Речью Посполитой. Причем еще и польский вассал. Все нормальные попаданцы если и оказываются на троне, то на российском. Причем знания по истории (а то и ноутбук со всей возможной информацией) прилагались. Если б у меня был выбор, разве я выбрал бы зависимую от Польши страну? Поляки между собой-то разобраться никак не могут. И свой шанс стать империей они про... прополимерили, в общем.

Хотя выбор у Курляндии, прямо скажем, был небольшой. В целях безопасности маленькая страна всегда ищет покровительства более сильных. А на кого Якобу менять Польшу? На Швецию? Ага. Еще пару раз ограбить Курляндию за ними не заржавеет. И выгрести все взрослое мужское население для ведения многочисленных войн тоже. Шведы же постоянно с кем-нибудь воевали. Только с Россией, по официальным источникам, 700 лет – с XII века по начала XIX. Влезать в эти разборки? Поищите дураков в другом месте.

Англия? Ну, Якоб пытался с ними договориться, причем не раз. И до сих пор переговоры ведет. Но там сейчас и своих проблем выше крыши, там у них реставрация монархии полным ходом идет. Да и вообще, как известно, у Британии нет постоянных союзников, есть только постоянные интересы.

Франция? Людовик только в следующем году избавится от диктата Мазарини и решит править самостоятельно. Но у короля-солнце амбиций и самомнения больше, чем его самого. Россия? Алексей Михайлович – фигура интересная. Но Польша своего вассала просто так не отдаст. Хотя я бы на месте герцога подумал в этом направлении. По-моему, Алексей Михайлович – единственный, кто ни разу не нарушил подписанных соглашений.

Впрочем, мои знания по истории оставляют желать лучшего. Да и реальность может серьезно отличаться от того, что писали в учебниках и научных трудах. Ну и потом... Даже если я прав и трезво оцениваю окружающий мир, в ближайшее время я все равно ничего сделать не смогу. Даже повлиять на своего отца. Для него я – малолетний оболтус, которому игры важнее учебы. И мнение о себе нужно менять, а это дело не быстрое.

В принципе, можно сделать вид, что болезнь на меня серьезно повлияла, и я взялся за ум. Что доступно ребенку моего возраста? Учиться и тренироваться. Вот этим я и займусь. Жизнь герцога, особенно стоящего во главе успешного государства, не так уж безоблачна, и умение себя защищать лишним не будет. Ну а править страной, не желая учиться, это вообще не вариант.

Помнится, Отто хвалился, что герцог в 12 лет поступил в Ростокский университет, а потом еще и Лейпцигский закончил. Почему не повторить этот подвиг? Мне, собственно, языки подтянуть, правописание и богословие. А уж с местной физикой-математикой я справлюсь. Не зря же вуз на финансово-экономическом с красным дипломом окончил.

Кстати, неплохо бы проверить, какие навыки есть у доставшегося мне тела. Ну, то, что его спортом не утруждали – это понятно. А смогу ли я заниматься живописью и музыкой? Жаль будет, если Фридриху медведь на ухо наступил. И руки не тем концом вставлены. Мозги нельзя постоянно держать в напряжении, им нужен отдых. И смена деятельности – лучшее решение. Иногда, когда я перебирал струны или пачкал очередной холст, мне в голову сами

собой приходили решения сложных проблем, над которыми я безуспешно бился много времени.

Ладно, я в этом мире меньше суток, а уже начал задумываться о глобальных вещах. Неизвестно, что завтра-то будет. Прежде всего, мне нужно вписаться в этот мир. Сначала Отто расскажет мне самое необходимое, а потом и учителей можно потихоньку приглашать. Посмотрим, какое образование дают сыну герцога. Пока Якоб был в плену, дела с этим обстояли не очень, так что у меня даже будет причина некоторого падения успеваемости. Мало ли что может забыть ребенок из лени и от стресса? А тут еще и болезнь навалилась! Словом, потребуем для начала прочитать несколько лекций с целью повторения пройденного, а там видно будет.

Кстати, зря я грешил на неведомые силы, закинувшие меня в тело ребенка. Память они отняли частично. Жизнь Фридриха я не помню совершенно, а вот навыки письма и чтения остались. На уровне десятилетнего ребенка, который не слишком-то стремился к учебе. Это было почти первым, что мы с Отто решили проверить.

Несмотря на то, что врач не велел мне покидать постели, я не собирался валяться бревном. Это тупо было скучно. С зарядкой я, пожалуй, погожу. Хотя бы до тех пор, пока твердо не встану на ноги (перенапрягать организм после болезни – это не самая здравая идея). А вот с чистописанием тормозить не стоит. Будем тренировать руку. И наверняка в Курляндии должны быть какие-нибудь учебники! Якоб во всех городах городские школы создал. Кое-где даже девочек обучали. Не могла же такая система работать без каких-нибудь учебных пособий, пусть даже примитивных!

Я готов был погрузиться в учебу прямо сейчас, слишком уж мне было любопытно оценить свои реальные знания и их соответствие данной эпохе. Однако мой организм думал по-другому. И прочтение всего лишь десятка листов печатного текста привело к резкой головной боли. Дальше я рисковать не стал. В конце концов, самой главной задачей было встать на ноги и окончательно выздороветь. А вписаться в новый мир я смогу постепенно. Главное – не отмочить чего-нибудь совсем уж несусветного. Надеюсь, Отто поможет.

Приставленный слуга отнесся к поставленной перед ним задаче со всей серьезностью. И первым делом мы ликвидировали мое невежество в вопросах богословия. Содержание Библии я примерно знал (спасибо прочитанному в молодости Лео Таксилю), а основные молитвы легко выучил. Ну а поскольку особой религиозностью я никогда не отличался, переквалифицироваться из православных в лютеране было несложно.

Гораздо больше проблем возникло с тем, чтобы помыться. Европейцы к этому делу относились как-то... наплевательски. В результате даже от прекрасных дам запашок был... тот еще. И вылитые сверху флаконы духов только ухудшали ситуацию. Мне пришлось приложить немислимые усилия, чтобы каждое утро получать тазик с теплой водой. И то под постоянные причитания врача о том, что я, дескать, смываю с себя «естественную защиту». Пришлось врать, что это я обет такой дал, чтобы выздороветь.

Выздоровливал я, кстати, медленно. Организм мне дохленький достался. Быстро уставал. Порой накатывала такая слабость, что я еле-еле мог сидеть, но постепенно эти приступы сошли на нет. А я к этому времени изучил всех придворных и улучшил навыки чтения с письмом. Фридрих, похоже, вообще редко книги открывал. Да и писал, как курица лапой. А я дико скучал, валяясь в постели, а потому читал все подряд. Ну и конспектировал то, что мне казалось важным.

Отец навещал меня практически ежедневно и радовался моим успехам. Правда,

уговорить его разрешить мне прогулку на свежем воздухе удалось далеко не сразу. Да и когда позволение было получено, в парк я отправился не на своих двоих, а в паланкине. Но воздух там был пьянящий! Ну и посмотреть было на что. Огромные клумбы с геометрическим рисунком цветов, фигурно стриженные кусты, фонтан и множество мраморных статуй. До парковых комплексов Питера не дотягивало, конечно, но все равно впечатляло. Все-таки одно дело – туристическая прогулка по Петергофу или Пушкину, и совсем другое – жить в такой красоте.

Мое упрямство принесло свои плоды – прогулки перестали меня утомлять, а учителя закончили лекции-повторения и перешли к новому материалу. Самыми геморройными оказались мифы Древней Греции и Древнего мира. В свое время в школе я их читал из интереса, как сказки. А сейчас мне необходимо было выучить наизусть родственные связи богов и героев, а также все их деяния, поскольку без их упоминания не обходилась ни устная, ни письменная речь.

На мой взгляд, выглядело это нелепо, но мода есть мода. Ничего не поделаешь. И я учился писать как деловые, так и галантные письма. В кругу знатных господ не владеть «изящной речью» было просто невыносимо. Такого человека никогда бы не приняли «в обществе». По-моему, в XVII веке все просто помешались на писательстве. Особо удачную переписку даже публиковали, а мемуары после себя оставлял буквально каждый первый, умеющий держать в руках перо.

Из-за перегруженности метафорами и нарочитой выпендренности слога и писать, и читать местную писанину было довольно сложно. Мало того что в литературе царила мифология, так еще и пафоса с нравоучениями хватало. Жаль, но Мольер еще не написал своих лучших комедий! А корнелевскую трагедию «Сид» я уже почти наизусть выучил. На общем фоне, пожалуй, радовал только Поль Скаррон, который довольно зло обстебал всяких чувствительных рыцарей и селадонов. И читался он лучше, чем оба Скюдери. Роман про Великого Кира я даже две сотни страниц не осилил.

Идея трагического умирания от великой любви не нашла отклика в моем черством сердце. Никогда в жизни не понимал мужиков, которые, вместо того чтобы добиваться поставленной цели, распускают сопли и слюни и жалуются, какие они несчастные. Мда. Угораздило же меня попасть в эпоху, когда суровых воинов сменили метросексуалы. Между прочим, танцы и изящные манеры входили в перечень изучаемых мною предметов. Но вот уж хрен им поперек морды, балеты я танцевать не буду!

В конце концов, тренировать тело можно было другими способами. Фридриха, например, обучали верховой езде, но в седле он держался не слишком уверенно. А я собирался напроситься с герцогом попутешествовать по Курляндии. Отец планировал заняться восстановлением страны, и мне хотелось при этом присутствовать. Оценить фронт работ, посмотреть, как он договаривается с людьми, и поучиться управлять страной. Пусть даже маленькой.

Подтягивания, отжимания и качание пресса тоже вошли в список тренировок. А еще Отто предоставил мне пошитый из парусины мешок, набитый пшеном, – на нем я отрабатывал удары. Разумеется, нагрузки я выбрал соответствующие моему нынешнему дохлону, ни разу не тренированному тельцу, но с чего-то нужно было начинать.

Ну а фехтование вписалось само собой. Владеть шпагой для дворянина было так же естественно, как дышать. У меня пока была подростковая, облегченная версия оружия, но для отработки техники это был идеальный вариант, а на данном этапе на большее я и не

замахивался. Стойки, удары, защита, тренировка выносливости и дыхалки... тренер делал скидку на мой возраст и болезненный организм, но я все равно выматывался. Каждый выпад и поворот отрабатывались до автоматизма.

Еще одной тренировкой (но уже силы воли) стали посещения церкви. Мне всегда казалось, что храм нужно посещать по велению души, поэтому обязательство серьезно напрягало. А процесс исповеди каждый раз заставлял нервничать. Между прочим, большинство лютеран признавало в качестве таинств только крещение и причастие. Но мне, как всегда, «повезло» нарваться на верующих другого толка. И, беседуя со священником, я постоянно дергался.

Не потому, что я сильно грешил (да чего там вообще может нагрешить десятилетний пацан?), а из-за боязни проколоться. Больно уж глазки у моего исповедника были... цепкие. Как у соседа из прошлой жизни, который, вспоминая о службе, не забывал повторять, что бывших КГБ-шников не бывает.

У моего препода по изящным манерам, кстати, тоже был нехороший взгляд. И когда я познакомился с ним получше, у меня возник только один вопрос – неужели у герцога Кетлера нет внутренней разведки? А если есть – куда она смотрит? Месье Поль был явным французским агентом влияния, и я даже не сказал бы, что он это сильно скрывал. Напротив. Постоянно возвеличивал свою страну, как образчик моды и культуры.

Ну ладно я, у меня прививка от «общечеловеческих ценностей», полученная в «лихих 90-х». Но пацан-то реально мог повестись! И считать Францию образцом, под который нужно строить свою страну. А там скоро еще и Людовик XVI развернется во всю мощь. Вполне себе яркий пример того, как нужно «правильно жить». Блеск, шик, пускание пыли в глаза... а с революциями пусть потомки разбираются.

Ну да, если верить официальной истории, то Курляндия и кончилась вместе с Якобом Кетлером. Сынок пустил наследие по ветру. С размахом. Дальше уже было не существование, а так, трепыхание, и дело закончилось Курляндской губернией в составе России. Был ли Фридрих тем самым долбодятлом, который пролюбил страну? Или он помер от болезни? Какая разница! После моего попадания история все равно уже не будет прежней.

Якоб Кетлер

– Так, значит, старается, говоришь.

Герцог задумчиво отставил в сторону трость, удобно устроился в кресле и позвонил в колокольчик. Расторопные слуги тут же принесли вино и легкие закуски. Якоб отослал лакеев небрежным жестом. Отто сам мог поухаживать за своим хозяином. А посторонним незачем было знать, о чем идет разговор.

– Так и есть, ваша светлость. Наследник взялся за учебу, и учителя его хвалят. Пожалуй, кроме учителя изящных манер. Тот жалуется, что мальчику недостает утонченности.

– А ты сам что скажешь, Отто?

– Да простит меня Господь, но болезнь наследнику на пользу пошла. Видно, испугался он у самой кромки стоять. Решил, что это его Всевышний покарал за небрежение своими обязанностями.

– Ну, глупостей он стал делать меньше, – кивнул герцог, отпив из высокого бокала несколько глотков превосходного испанского вина. – И то, что Фридрих старается, я вижу. Наконец-то он стал проявлять интерес к делам. Даже выразил желание меня сопровождать в поездке по стране. Говорит, что хочет понять, что значит быть герцогом.

– Он сильно изменился.

– На пороге смерти многие меняются. Что Фридриху дается хуже всего?

– Богословие, пожалуй. Текст Библии он знает, а веры истинной в нем я не чувую. Не любит он и сочинения отцов Церкви читать. Как и сказания греческие и римские. Говорит, что и без пышных сравнений можно так письмо написать, что все плакать будут.

– Я и сам не люблю излишней пышности, – вздохнул герцог. – Но письма писать следует так, как принято.

– Языки тоже пока не слишком хорошо даются наследнику, но здесь он проявляет истинное упорство. А вот с цифрами ладит великолепно. Лучше прежнего. И читает много. Декарта по несколько раз перечитывал.

– Ну да. И труд Галилея под подушкой держит, – хмыкнул Якоб. – Ты хоть объяснил ему, что эта книга у католиков внесена в индекс запрещенных? Да и наш пастор относится к данному сочинению... с предубеждением.

– Наследник это понимает, и читает Галилея, только оставшись в одиночестве.

– Хорошо, что у Фридриха есть и другие интересы. Мне не нравилось, когда мой сын играл, не желая учиться. Но и делать из наследника книжного червя я тоже не хочу.

– Он с удовольствием занимается фехтованием, верховой ездой и силовыми упражнениями, – доложил Отто.

– А зачем он по мешку бьет? Дворянин сражается только на шпагах.

– Говорит, что так он увеличивает силу рук и ног. Дескать, это на дуэли правила соблюдаются. А в реальном бою могут и эфесом по зубам заехать, и со спины напасть. А вовремя пнуть подвернувшуюся под ноги бочку или скамью, создавая дополнительное препятствие для врага – выиграть время, а возможно, и бой.

– Ну, пусть играется, – вздохнул герцог, подав знак, что ему нужно долить вина. – С возрастом у него появятся другие забавы. Главное, чтобы интерес к учебе не пропал. Я приложил много сил, чтобы сделать Курляндию богатой страной. Видеть ее в разорении... тяжело. Однако если я буду знать, что наследник готов продолжить мое дело, это придаст мне сил.

– Ваш сын хочет учиться в университете, он желает быть похожим на вас, ваша светлость.

– Когда я учился, то еще не был наследником. Я не хочу рисковать своим сыном. Образование можно и дома получить. Лучших учителей я найму. Господь милостив, Фридрих быстро восстанавливается после болезни.

– Его память ведет себя странно. Многие наследник прекрасно помнит и знает или легко наверстывает. Сейчас он читает, пишет и считает даже лучше, чем до болезни, – заметил Отто. – А вот людей он совершенно не помнит. Изящную словесность напрочь забыл, как и нотную грамоту. Правда, учитель говорит, что его талант к музыке усилился.

– Снисходительное определение, – фыркнул герцог. – При всей моей любви к Фридриху, музыкального дара у него никакого не было. И это видели все, кроме моей супруги, которая продолжала терзать его уроками. А теперь все изменилось. По просьбе сына я велел приобрести лучшую из испанских гитар. А слушать, как он играет на органе, собирается множество народа.

– Когда ваш сын впервые после болезни посетил церковь, он выразил восхищение звучанием органа. И довольно быстро научился на нем играть, хотя было очевидно, что никогда ранее к подобному инструменту не прикасался.

– И он не только играет, но и сам сочиняет музыку. Довольно необычную, нужно сказать, – вздохнул герцог. – Меня немного пугают его умения. Слишком талантливые люди долго не живут. А Фридрих, кроме музыки, еще и к живописи пристрастился. Он и до этого недурно рисовал, но теперь его картины... изменились.

– Учитель жалуется, что наследник не хочет изображать греческих и римских богов, и вообще не любит аллегорические сюжеты, – осторожно заметил Отто.

– И как Фридрих объясняет такую вольность? – удивился герцог.

– Говорит, что не хочет следовать моде. Дескать, пусть безродные художники, которые зарабатывают себе на хлеб всякой мазней, угождают вкусам толпы. А он достаточно богат и знатен, чтобы рисовать так, как ему хочется. Тем более что рисует он для себя, а не на продажу.

– В его словах есть резон, – надменно вскинул голову Якоб – Да и моей дочери, Луизе Елизавете, нарисованный Фридрихом портрет понравился больше, чем официальный. Она даже хочет, чтобы именно с него миниатюры писали, которые потенциальным женихам будут рассылать. Знаешь что, Отто, а добавим-ка мы сыну еще несколько учителей. Пусть военное дело постигает и учится читать звездное небо.

Фридрих Кетлер

Спасибо товарищу Якобу за наше счастливое детство! Нет, я, конечно, сам рвался учиться, но нагрузили меня, по-моему, чересчур. Фортификация, навигация, механика, астрономия, военная тактика и стратегия... Последнее, правда, было довольно занятным, поскольку преподавалось в развлекательной форме. Со мной играли в солдатики. Если бы мне в детстве подарили такой набор, я бы умер от счастья, и первых дней несколько носа на улицу не показывал.

Солдатики были коллекционные. Каждая фигурка сантиметров двадцать высотой, мундир тщательно прорисован, а руки и ноги сделаны на шарнирах. К фигуркам прилагался макет крепости (он занял почти половину очень немаленькой игровой комнаты) и стреляющие горохом пушки. А какая шикарная была конница! Несмотря на то что интеллектуально я уже давно не являлся ребенком, устоять и не опробовать такую прелесть оказалось выше моих сил. К сожалению, полководец из меня получился... далекий от идеала.

На отдых времени оставалось мало, но я обязательно выделял хотя бы пару часов, чтобы позаниматься музыкой и живописью. Мои навыки в этих сферах произвели неожиданный фурор. А я и не сделал ничего особенного. Просто написал портрет своей старшей сестры. Не такой тошнотворно-пафосный, как здесь принято, а более близкий к реальности. На траве, среди цветов, с распущенными волосами, в которых запуталось солнце, и теплой улыбкой. Польстил, конечно, не без этого, и Луиза Елизавета пришла в дикий восторг. И повесила портрет на самом видном месте.

Ну а без музыки я вообще жить не мог. Правда, местные гитары не устраивали мой взыскательный вкус, и отец пообещал выписать инструмент из Испании. Хорошо все-таки родиться в обеспеченной семье! Кому бы не понравилась жизнь ребенка, который может все себе позволить. Кого-нибудь другого никогда бы до того же органа не допустили, а меня – пожалуйста. У меня, кстати, органная музыка всегда ассоциировалась с католиками, но оказалось, что лютеране тоже ее используют, как и хоровое пение.

Орган был велик, стар и мощен. Я «поплыл» при первых же его звуках, и у меня аж руки зачесались, как захотелось прикоснуться к данному великолепию. И когда я понял, что

между мной и мечтой стоит всего лишь нотная грамота (не очень-то похожая на знакомую мне), я приложил максимум усилий, чтобы ее выучить.

А потом был Бах. Я, наглый плагиатор, присвоил себе все, что только смог вспомнить. Что-то мне подсказывало, что Высоцкого в этих краях не поймут, так что я выбрал классику. Благо в прошлой жизни матушка пыталась меня затащить в музыкальную школу. И я почти два года там вытерпел. Однако футбол и дворовые забавы предсказуемо оказались более привлекательными, что вылилось в подростковый бунт. Результатом стало пианино, пылившееся в углу, и отвращение к музыке лет до пятнадцати. Когда я освоил свои первые три бластных аккорда. А за пианино я усаживался играть исключительно в подпитии, желая очаровать своих студенческих подружек.

Однако опыт не пропьешь! Пусть я вспомнил нужные мелодии не сразу, но зато успех имел колоссальный. Сначала мои концерты слушал только местный отец Горанфло (пусть пастор, а не монах, но такой же толстый пьяница и обжора), следивший, чтобы я не поломал ценный инструмент. А потом, когда у меня начало получаться, к нему присоединились любопытствующие придворные.

Отец ажиотажу не поддался. Он вообще довольно прохладно относился к творческим личностям. Как развлечение для знатного дворянина еще воспринимал, но не больше. Гораздо больше герцога радовали мои успехи в военном деле. Он заказывал самое передовое оружие, чтобы я имел о нем представление, а у меня начала появляться идея о собственной армии.

Вписаться в новый мир оказалось очень непросто. В высшем свете существовало столько условностей и мелочей, что запомнить их все было очень проблематично. Язык тайных знаков и особых фраз вгонял меня в тоску. Изящная словесность вообще убивала. Ну и вишенка на торте – дипломатический этикет, от которого хотелось застрелиться и отравиться одновременно. Регламентировался даже угол наклона головы и количество слов.

Свободного времени оставалось немного, а планов у меня было громадье. Мысль о собственных солдатах, которые будут мне верны, не отпускала ни на минуту. Петя Первый со своими потешными полками на трон шагнул. А я хоть и не собирался смещать отца, но чувствовал настоятельную потребность в защите.

К тому же собственной армии как таковой у Курляндии не было. Так, нечто с бору по сосенке. Типа, мы польский вассал, и если что, за граница нам поможет. Ага. Как же. То-то Речь Посполитая кинулась защищать своего подопечного в недавней войне. Страна буквально лежит в руинах. И на фиг нужен такой сюзерен? Отказаться в ближайшее время от него не получится, но и надеяться на него не стоит. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Как я понял из объяснений моих наставников, по ленному договору Курляндское рыцарство обязано было предоставить королю 300 всадников и 100 рейтаров от герцога лично. А во время войны из каждых ста дворов призывали 12 легких всадников. Причем курляндская армия принимала участие почти во всех войнах Речи Посполитой.

В среднем в распоряжении отца в его владениях на постоянной службе было 500–600 гвардейцев. Реальные силы Якоба были гораздо серьезнее, но по практике того времени герцоги давали своих солдат в аренду другим монархам, что составляло серьезный доход в казну – Курляндские полки не были дислоцированы в самой Курляндии, но принимали активное участие в европейских войнах (например, в голландско-французских).

Надо отдать отцу должное, случившаяся война и пребывание в плену произвели на него сильное впечатление, и он увеличил свою гвардию до тысячи человек. Для маленькой страны это была вполне приличная цифра, но, как вы понимаете, это вряд ли могло бы спасти Курляндию в случае очередной глобальной войны.

В общем-то, и я, мечтая об армии, представлял себе мобильное соединение, способное нарушить коммуникации врага, лишить его обозов и действовать партизанскими методами. Сражение лоб в лоб с любой из европейских армий Курляндия однозначно не потянет. И если мое стремление окружить себя верными людьми герцог еще поймет, то мои эксперименты покажутся ему как минимум сомнительными. Издеваться над имеющимися солдатами мне никто не позволит.

Есть ли из этой ситуации выход? Пожалуй. После войны в стране наверняка полно беспризорных пацанов. Так почему бы не из них начать формировать преданную мне армию? Тем более что в Курляндии имеется целая сеть школ, пусть и покоцанная войной, но не уничтоженная. Все не «с нуля» начинать. Учебный процесс уже отработан, в него нужно только вписать больше физических упражнений и занятие военным делом.

Правильно воспитанные пацаны всегда будут помнить, кто забрал их с улицы и не дал им сдохнуть. А я обкатаю на них свои идеи по модернизации оружия и военного дела. Ну а потом, если все будет получаться, постепенно небольшой отряд превратится в личную

армию. И это будет уже совсем другая история.

Однако прежде чем приступать к столь амбициозному проекту и пускаться в прогрессорство, нужно было подстелить соломки. То есть как-то залегендировать свои знания. Это талант в музыке и живописи был нормально воспринят. А если я неожиданно заделаюсь изобретателем, могут и вопросы возникнуть. Так что лучше прикрыться громким именем какого-нибудь ученого. И ему хорошо – слава воспитателя будущего герцога Курляндского дорогого стоит, и мне польза – всем станет понятно, откуда я такой умный взялся.

Хотелось бы, конечно, человека с громким именем. Но не каждый сорвется от налаженного быта и признания в чужую страну. Я-то первым делом о Паскале подумал, но он уже стар. И болен настолько, что не смог встретиться с Пьером Ферма. Да и пастор может не одобрить данную кандидатуру, помня его увлечение янсенизмом.

Мда. Кто слишком стар, а кто совсем «зеленый» еще. Лейбницу всего четырнадцать, а Ньютон только-только готов переступить порог Тринити-колледжа Кембриджского университета. Может, Николаса Меркатора сманить попробовать? Он вроде бы скоро в Лондон должен сорваться, так может, лучше к нам?

А еще лучше будет, если получится увести из-под носа Кольбера Христиана Гюйгенса. С Голландией у нас прекрасные отношения. А мне такой препод не помешал бы. Конечно, если Гюйгенса все равно пригласят в Парижскую академию наук, да еще и с перспективой стать ее президентом, от такой морковки он не откажется. Но я успею урвать нужных знаний и сделать себе имя.

Ох, возраст мой, возраст! С одной стороны, мелким быть хорошо. Прощаются некоторые косяки, соразмеряются требования и есть время и возможность потихоньку всему научиться. С другой стороны... Меня никто не воспринимает всерьез! Умиляются, сюсюкают, иногда гордятся моей разумностью, но совершенно со мной не считаются.

– Может, охотой побалууетесь? – неожиданно предложил Отто. – А то чересчур уж учебой увлеклись.

– Какая охота? Мне и так ни на что времени не хватает! – вздохнул я. Одновременно пробивать у отца военный отряд пацанов, известного ученого в качестве преподавателя и разрешение сопровождать герцога в его поездке по стране оказалось невероятно сложно.

– Может, отказаться от некоторых уроков? – посочувствовал Отто.

– От изящной словесности, например, – хмыкнул я. – Да хоть сейчас! Но кто же позволит-то? А это единственный не слишком полезный предмет. Если страна сильна, то кому какая разница, красиво ли говорит ее правитель?

– Месье Поль – единственный учитель, не слишком довольный вашим усердием, – заметил Отто.

– Да потому что я не вижу смысла в его уроках! Понимаю, женщинам нужно быть утонченными. Прекрасный пол силен своей слабостью. Это им присуща изысканность, велеречивость и манерность. А мужчина должен быть воином! Хотя, конечно, к будущему правителю требований больше. Он должен разбираться и в дипломатии, и в финансах. Но закатывать глаза и голосом умирающего читать занудные стихи?

– Кое-кто считает занудным читать сочинения Дезарга. И уж тем более вступать с ним в переписку.

Что тут можно сказать? Я просто не смог упустить свой шанс. Старичку недолго осталось. С обычным ребенком он общаться не стал бы, а ответить на вопросы наследника

герцога ему приятно. Тем более я знал, какие именно вопросы следует задавать. Ну и Дезарг, конечно, оказался не единственным объектом моего интереса. Я завязал переписку и с другими знаменитостями. Блин, ну не мог же я пройти мимо Паскаля и Ферма! Имидж человека, увлеченного наукой, мне еще пригодится.

Между прочим, именно завязавшаяся переписка помогла мне осуществить один из пунктов моего плана. Своим рвением я впечатлил отца, и он послал-таки Христиану Гюйгенсу приглашение стать моим наставником. Голландец согласился, и вскоре должен был прибыть. Единственная сложность, которая возникла при переговорах – ученый не любил бывать в «свете» и редко там появлялся, хотя его происхождение открывало ему двери всех дворцов.

Из-за происхождения, между прочим, возникла и еще одна проблема – должность учителя такому человеку предлагать было глупо. Отец пообещал Гюйгенсу всяческую помощь в его исследованиях, а наставничество шло дополнительно. Дескать, наследник любопытен, и герцог будет благодарен ученому, который наставит сына на путь истинный.

Ну да, жду не дожусь. Знания мне нужны. А еще один воспитатель – нет. Тут и так за каждый свободный вздох бороться приходится. Куча условностей, которые нужно соблюдать, бесила донельзя. К счастью, мне удалось избавиться от части из них. Все-таки мой отец не был похож на обычного правителя, он мыслил шире и позволял мне некоторые вольности.

Первым пунктом стала оптимизация одежды. Кружева, оборки, ленты и туфли были отложены для торжественных выходов. Я обзавелся мягкими сапожками, удобными бриджами, свободной рубахой и короткой курточкой. Все это было пошито из дорогих материалов и украшено вышивкой, но, по крайней мере, не стесняло движений.

Глобальный бой мне пришлось выдержать из-за парика. Носить это безобразие я не собирался. Если бы не отец, который тоже не одобрял данную моду, не думаю, что у меня что-нибудь получилось. Я резонно сказал, что у меня нет лысины, которую нужно прятать. И собственные волосы не настолько ужасны, чтобы их скрывать. Ну не хотел, не хотел я быть похожим на кудрявого барана!

Моя победа, правда, чуть было не накрылась медным тазом, когда Гюйгенс до нас все-таки доехал. Он оказался довольно красивым молодым мужчиной чуть старше тридцати, с большими голубыми глазами и аккуратно подстриженными усиками. Рыжеватые, круто завитые по последней моде локоны парика опускались до плеч, ложась на белоснежные брабантские кружева дорогого воротника. Отец выразительно на меня посмотрел. Я нахмурился, давая понять, что не отступлюсь от своего.

Как я представлял себе известного ученого? Постоянно занятым и немного самовлюбленным. И если с первым я угадал – Гюйгенс развил бурную деятельность и оставил выделенные ему огромные апартаменты книгами и механизмами, то со вторым пролетел по полной программе. Ученый оказался очень приветливым и спокойным человеком. Никто не видел его особенно взволнованным или растерянным, торопящимся куда-то, или, наоборот, погруженным в медлительную задумчивость.

Но, что гораздо более ценно, в Христиане не было свойственной гениям нетерпимости. Те, кому легко даются какие-либо знания и умения, не могут понять, почему окружающие испытывают трудности в этой сфере. Они начинают раздражаться и бывают резки в суждениях. Немудрено, что современники оставляют воспоминания об ученых, с которыми общались, как о неуживчивых людях со сложным характером.

Гюйгенс был счастливым исключением. Он очень увлекательно и подробно объяснял

свои опыты. Впрочем, может быть, все дело было в том, что на самом деле я не был глупым десятилетним мальчиком. А мое образование позволяло на должном уровне поддерживать беседу о маятниковых часах со спусковым механизмом, которые Христиан изобрел всего три года назад.

Я, конечно, старался не сильно палиться, но иногда просто увлекался. На мое счастье, у Гюйгенса все-таки нашлась одна черта, свойственная всем гениям, – он был немного оторван от реальности. И знания мальчика не казались ему странными. С другой стороны... Христиан и сам с ранних лет проявлял несомненный талант, причем в различных сферах деятельности.

Пообщавшись с наставником подольше, я впал в раздумья. Мне было совершенно непонятно, почему Гюйгенс согласился на приглашение моего отца. Явно же, что он не испытывал особых проблем с деньгами, мог вращаться в самых высоких кругах и беспрепятственно заниматься научной деятельностью. Курляндия не могла дать ему ничего такого, что не дала бы Голландия.

Оказалось, что великий ученый... сбежал от брака. Точнее, от активизировавшихся многочисленных свах. Гюйгенс был увлечен только наукой. Мог отвлечься на развлечения и друзей, но ненадолго. А уж жениться и вовсе не хотел, позиционируя себя как убежденного холостяка. Другое дело, что прекрасный слабый пол может так взять в оборот, что света белого не взвидишь. И почувствовав, как нежные женские пальчики стальной хваткой сжимаются у его горла, Христиан решил убраться подальше от озабоченной родни и слишком активных знакомых.

Разумно. Он, конечно, не избегнет дамского интереса и в Курляндии, но здесь, по крайней мере, никто не будет на него давить. Гюйгенс сможет целиком посвятить себя науке. А я с удовольствием понаблюдаю за его изысканиями. У человека, создававшего изумительные часы и совершенствовавшего телескопы, есть чему поучиться. Мне мечталось о превосходных подзорных трубах и скорострельном оружии. А также о паровом двигателе и первом автомобиле.

Мое увлечение наукой не прошло мимо внимания отца. Решив, что я чересчур погрузился в книги, он решил меня отвлечь и разрешил-таки собрать отряд из мальчишек. Для начала хотя бы человек в двадцать. И хотя этого было безнадежно мало, спорить я не стал. Это бессмысленно. Лучше было доказать герцогу, что моя идея жизнеспособна, что я могу управлять людьми и хочу не играть, а на практике проверить то, чему меня научили.

Генрих

Когда-то дом Бернов славился своей щедростью и гостеприимством. Владевший мастерской по производству бумаги, глава семейства удачно пристроил старших дочерей, выделив им хорошее приданое. А Генриха, как единственного наследника, обучали премудростям ремесла.

Жестокая война отняла у 11-летнего мальчишки и семью, и имущество. Генрих сам уцелел чудом, поскольку гостил у дальней родни, когда шведы грабили и жгли все подряд. Родственники ему и помогли. В благодарность отцу, который многое для них сделал. К счастью, связи не были потеряны. А потому как только до дядюшки донесся слух, что герцог Кетлер подбирает детей в свиту своего наследника, тот подсуетился.

Генрих не знал, кому, сколько и каких взяток было сунуто, но он оказался-таки среди двадцати мальчишек, которым будет оказана честь быть представленными ко двору. И

единственное, чего никто не понимал – почему детей отбирали не из знатных и богатых родов. Правда, ответ на этот вопрос собравшиеся получили быстро.

Мальчишек отбирали вовсе не в свиту. Вот еще! Там и без них от желающих было не протолкнуться. Наследнику возжелалось поиграться в живых солдатиков. Причем он хотел набрать их и вовсе из низкого люда. Дескать, их не жалко, и они будут благодарны своему благодетелю. Однако герцог не мог пойти на такое попрание приличий. И мальчишек набрали из семей, пострадавших от войны. Тоже, в общем-то, никому не нужных, но, по крайней мере, получивших хоть какое-то воспитание.

Фридрих Кетлер

Книги про попаданцев читать вредно! Казалось бы, самый распространенный сюжет – набрать верных людей. Желательно с самого «дна», чтобы были абсолютно преданны и до глубины души благодарны. Вот только местную психологию я не учел. Кто допустит к сыну герцога всякую босоту?

Да и отец развеял мои розовые мечты сделать верных сподвижников из беспризорников. Те, кто вырос на улице, быстро взрослеют, понимают, что к чему, и к десяти годам превращаются в крыс. Злобных, агрессивных и абсолютно не поддающихся дрессировке. Исключения из правил, возможно, встречаются. Но как и где их искать – большой вопрос. Так что стоит ли рисковать? Особенно если под рукой есть сироты, которым с детства внушили почтительность к герцогу и уважение к труду.

Насчет последнего, кстати, мальчишки сумели меня удивить. Все, абсолютно все двадцать человек владели какой-нибудь профессией. На уровне подмастерья, конечно (подай, принеси, смотри внимательно и учись), но тем не менее. Попасть ко двору герцога они не могли мечтать даже тогда, когда их семьи были благополучны, а оказавшись на пороге нищеты, тем более оценили такой подарок судьбы.

Я, разумеется, далек от мысли, что мальчишки теперь захлебнутся от благодарности. И тем более не ободряюсь, что эта благодарность будет направлена на меня. Когда вместо абстрактных мечтаний сталкиваешься с реальностью, мозги быстро встают на место. И понимаешь, что только в книгах сподвижники закрывают героя грудью только потому, что он спел им пару песен Высоцкого или накормил несколько раз.

В жизни все намного сложнее. И чтобы воспитать из этих пацанов воинов, которые будут мне верно служить, придется серьезно поднапрячься. А их верность и преданность нужно заслужить. Пока я – всего лишь сын герцога, который решил поиграться. И что говорить о других, если я сам не очень уверен, что моя авантюра с собственной армией закончится удачно. В том, что книги не всегда бывают правы, я уже убедился.

– Мыслимое ли дело, наследник герцога, а занимается рядом с босотой всякой, – ворчал Отто. К своей обязанности присматривать за мной он относился очень серьезно. На мой взгляд, даже чересчур. Излишняя опека порой раздражала. Вот что я, одеться самостоятельно не смогу?

– Герцог должен уметь управлять страной и людьми, – возразил я. – Вот я и учусь это делать. На ком тренироваться, как не на босоте? Отец тоже начинал с малого. Сам же рассказывал, что престарелый герцог Фридрих уступил своему племяннику сперва Гольдинген и Фрауенбург, а уж затем и остальное герцогство.

– Для той босоты, что тебя сопровождает, довольно чести быть рядом с сыном герцога. Они одеты и обуты за казенный счет, и кормят их трижды в день. К чему их еще учить?

Сумеют оружие в руках держать, и того довольно.

– Хочу иметь верных людей, обязанных мне всем, что они имеют, – объяснил я. – Кто знает, на что они сгодятся в будущем. Потому и учу самому необходимому. А получится ли у меня достойно управлять ими... посмотрим.

Первой проверкой на прочность стал поход. Я долго уговаривал отца взять меня с собой в инспекцию по стране, и, наконец, он согласился. Вот только герцог собирался путешествовать в карете, а меня и мальчишек ждало путешествие верхом. Мы должны были везти припасы для себя и лошадей, самостоятельно обустроить лагерь, да еще и тренироваться. Разумеется, под присмотром аж трех бывалых военных, но все равно путешествие предстояло не из легких.

Наверное, герцог ждал, что я попрошу о снисхождении. Ну или захочу для себя привилегий. А то и вовсе откажусь от путешествия – скорее всего, отцу не слишком-то хотелось тащить с собой пацана по послевоенным дорогам страны. Однако я оказался упертым. И прекрасно понимал, что второго шанса может не представиться.

Жаль, конечно, что отряд мальчишек был «сырым», не спаянным и не тренированным. Но может, оно и к лучшему. Посмотрим, насколько они смысленные и выносливые. Единственная уступка, о которой я попросил отца, – дать мне немного времени на подготовку. Пусть ответственными за нас были взрослые люди, но формально я считался главой отряда. И именно мне предстояло в дальнейшем им командовать. Так почему не начать учиться собираться в поход прямо сейчас, раз уж подвернулся такой случай?

Разумеется, кураторы проследят, чтобы я ничего не забыл и не перепутал, но мне пора было становиться самостоятельным. Ну а заодно и самому проверить, чего я стою. Усвоил ли я уроки своих наставников. Кстати, и первую прогрессорскую вещь можно в этот мир притащить. Думается мне, что полевую кухню все оценят. Все равно обоз будет двигаться со скоростью телег, сопровождающих герцога в его походе, так что кухня нас не задержит.

Еще одним предметом, требующим срочного изготовления, стало полковое знамя. Личный стяг наследника. У Курляндии было несколько вариантов флагов – и обычный, и морской, и для колоний, но я не хотел использовать ни один из них (хотя черный краб на красном фоне мне нравился). Я пока еще не герцог, так что лучше мне иметь собственный знак отличия.

Думать над изображением я долго не стал – знаменитые щит и меч, признаки иной эпохи, показались мне достойным выбором. Красный фон, белый щит и черный меч. Государственные цвета Курляндии и мой личный символ. Герцогу, кстати, понравилась моя придумка, и он издал указ, дающий ей официальный статус.

Куда сложнее обстояли дела с подготовкой пацанов. В первую очередь, им всем необходима была униформа. Ну а поскольку мне совершенно не нравились длиннополые камзолы и парики, то фасон пришлось придумывать самому. Портные, правда, запросили кучу времени на исполнение заказа, и я решил не гнать лошадей. Для начала перешьем на пацанов имеющиеся мундиры. А потом, по возвращении из похода, можно будет приступить к изготовлению нужного варианта.

Ну а пока шли приготовления, пацанов учили правильно ездить верхом и ухаживать за лошадьми. Кое-кто уже умел это делать, а кто-то впервые сел в седло. Им будет сложнее всего. Выдержать верхом дневной переход – нелегкое дело, особенно с непривычки. Единственная надежда на то, что отцовский обоз будет ехать не слишком быстро. Герцог, даже если он путешествует по делам, не может обходиться совсем без свиты. А это значило,

что с собой нужно было брать изрядное количество припасов. В разоренной войной стране могло просто не найтись достаточного количества еды.

Что скрывать? Отправляясь с отцом в путь, я рассчитывал немного отдохнуть от уроков. Однако у герцога было свое мнение на этот счет. И двое учителей присоединились к нашей процессии. Действительно, ведь верховая поездка не могла помешать беседам о дипломатическом этикете и лекциям о мировой политике. И потренироваться в языках можно было. А также послушать множество интересных историй о прошлых сражениях. Последние, правда, звучали в основном на привале, поскольку сопровождались небольшой наглядной демонстрацией. Глядя на камешки и веточки, обозначающие различные рода войск, я поневоле вспоминал фильм про Чапаева.

Двигались мы, к счастью, не слишком быстро, с постоянными остановками. Полевая кухня была испробована и произвела фурор. Даже герцог как-то присоединился попробовать «солдатской еды». Хотя учитывая, что питался я вместе с ребятами, кормили нас нормально. Откровенного гнилья сыну герцога подсовывать не решались. Ну а нормальная еда давала нам сил не только на долгие переходы, но и на тренировки.

Шпагой пацаны не владели от слова «совсем», так что пока дело ограничивалось работой над телом – подтягивания, отжимания и прочие радости жизни. Ну и руки тренировали. Нам всем выдали длинные штыри из дрянного железа, но достаточно тяжелые. И хотя я во владении шпагой продвинулся вперед, повторял заученные движения вместе с остальными. Стойки, выпады, повороты... лишним по-любому не будет.

Пацанов, кстати, гоняли жестче, чем меня. Видимо потому, что правители не так часто оказываются в гуще битвы. Это несколько веков назад князья и ярлы вели дружины в бой, показывая личную доблесть и мужество. В XVII веке короли предпочитают наблюдать за битвой с удобного возвышения, чтобы контролировать ход сражения и своевременно послать подкрепление туда, где оно требуется.

Личной храбрости это не отменяет, но понятно, что профессионального бойца из современного правителя никто делать не будет. А вот окружающие его воины должны идеально владеть оружием. И суметь защитить своего сюзерена в случае опасности. Это считалось чем-то само собой разумеющимся, а потому мое желание тренироваться наравне с остальными мальчишками воспринималась как небольшое чудачество, которое вскоре мне надоест.

Мне не надоедало. Каждый раз, покидая седло, мы устраивали себе разминки. А иногда и пробежки. Правда, надолго пацанов не хватало – дышалка у большинства была еще слабая. Ну а я старался не свирепствовать. Моей задачей на данный момент было вовсе не сделать из мальчишек великих воинов (за один поход это все равно не получится), а сблизиться с ними, научиться ими командовать и приучить их к военной дисциплине.

Скорее всего, герцог думал о том же самом, когда решил взять нас с собой. Мой отец – на редкость рациональный человек. И если можно из одного поступка извлечь сразу несколько выгод, он именно это и сделает. Проверить мою решимость и настойчивость, узнать, годны ли набранные мальчишки, и погонять нас, чтобы мы притерлись и воспринимали друг друга как братьев по оружию.

Совместно разделенные трудности и пища, которую ели из одного котла, может сблизить лучше всяких специальных ухищрений. Я привыкну отвечать за подчиненных и заботиться о них, пацаны привыкнут подчиняться и воспринимать меня как командира, и мы все вместе получим бесценный опыт взаимодействия в походе. Не когда необученным мясом

затыкают бреши в обороне, а когда опытные наставники ведут за собой молодежь. Давая достаточно свободы для принятия самостоятельных решений и контролируя, чтобы подопечных не занесло куда-нибудь не туда.

Однако ни тренировки, ни лекции, ни сам поход не могли отвлечь меня от главного – наблюдения за тем, как герцог ведет дела. И промышленный потенциал Курляндии меня впечатлил. В стране были токарные, лесопильные и множество других мастерских, а кузницы встречались чуть не на каждом шагу. Курляндия изготавливала бумагу, стекло, конопляные канаты, льняные паруса, гвозди, крюки и другие подобные материалы. Якоб наладил производство по изготовлению оружейных стволов, ядер, гранат, стволов мушкетов, сабель, пороха.

Страна чеканила золотые монеты высокого качества, производила свой кирпич, известь, сукно, льняное полотно, бочки (тара номер один в мире, в которой перевозили всё – от вина до пороха) и даже водку с пивом. В Курляндии умели прекрасно обрабатывать кожу, делали мыло и создавали предметы роскоши – ковры, гобелены и украшения. Европа, кстати, все это охотно приобретала. Сама же Курляндия ввозила лишь соль, сельдь, дорогие ткани и пряности.

Большая литейная мастерская для производства артиллерийских стволов появилась в стране еще в прошлом веке. Герцогу принадлежали несколько заводов по производству металла, находящихся в Норвегии. Хорошо организованная продукция курляндских верфей шла на экспорт в Англию, Францию, Испанию, Голландию и даже Венецию. Ну как, как герцог сумел все это организовать? Маленькая страна, ничем не выдающаяся, но один гениальный правитель – и такой качественный рывок вперед.

Ведь можно же, можно делать подобное, не ломая через хребет! Нашему Пете Первому поучиться бы у Якоба Кетлера вести дела. Но Петруша встретился с его сыном, который кроме как блистать, ничего не умел. А растратить деньги куда проще, чем их заработать. Я, например, смотрел на количество дел, с которым управлялся отец, и тихо фигел. Не факт, что я буду способен на подобное. Похоже, нужно заранее подбирать помощников. Блин, может, Якоб Кетлер тоже попаданец? Причем с ноутбуком и стадом роялей в кустах?

Осень стояла на удивление теплая и сухая, дороги не развезло, так что мы путешествовали с относительным комфортом. Посетили верфи, несколько мельниц, мануфактуры и даже заскочили в столицу. Митава выглядела жалко. Шведы уделили ей особое внимание, и после их нашествия остались буквально руины. Герцог, глядя на это безобразие, расстроился донельзя. И посетовал, как сложно будет восстановить столицу в прежнем блеске.

Стоп, стоп, стоп! А зачем восстанавливать? Лучше отстроить заново, создав самый современный и удобный город. Кардинально изменить планировку, утвердить внешний вид домов и разбить скверы и парки.

Насколько я знал, лет через двадцать герцог, наконец, решит искать защиты у России. И предложит Алексею Михайловичу установить новые дипломатические и совсем новые торговые отношения. В планах Якоба было направить российский транзит через Латгалию на Бауску и далее в Виндаву и Лиепаяу, минуя, таким образом, шведские владения и Ригу. А еще неуемный герцог хотел построить 15-километровый судоходный канал, который соединил бы Даугаву (возле Юнелгавы) с Лиелупе, с тем, чтобы русские корабли с товаром приплывали прямо в Митаву, минуя все ту же шведскую Ригу. В реальной истории смерть

Якоба поставила крест на всех этих планах. Так почему бы не начать воплощать их раньше? Почему бы не превратить Митаву в приморский город, подобно Брюгге и Генту?

Отец завис, пытаясь переварить мою идею. Видимо, о таком глобальном повороте в сторону России он пока не задумывался. Но мысль была признана интересной. В любом случае не помешает увеличить торговый оборот. А Россия – страна большая, и может многое предложить. Идеально было бы иметь с ней общую границу, но до этого пока было далеко. Речь Посполитая была серьезным игроком на мировой арене. И для того, чтобы ввязаться с ней в очередную войну, России нужен был серьезный повод.

Между прочим, герцог сражался против русских в одной из таких войн (в 1634 году). Привел 700 человек к Смоленску. Однако все это не помешало ему в дальнейшем торговать с Россией. Он точно попаданец! Потому что, несмотря на эпоху меркантилизма, ни один правитель больше не отличался таким рационализмом и здоровой наглостью. И не создавал в своей стране подобного долговременного «экономического чуда».

А как он подрассчитал с колониями? Я, например, всегда гадал – почему Якоб остановил свой выбор именно на Тобаго? Оказывается, все дело было в товаре, который герцог собирался возить с ранее захваченного острова Андрея. В живом чернокожем товаре, который считался скоропортящимся. Оказывается, герцог разбирался не только в управлении страной, но и в гидрометеорологии.

Дело в том, что в Атлантике ветра и течения движутся по часовой стрелке, как бы скользя вдоль Африканского и Американских материков. Дельта реки Гамбии и остров Тобаго находятся на одной широте, и вдоль этой широты с востока на запад всегда дует попутный ветер, к тому же от Африки к Америке устремляется еще и Южное пассатное течение. Все это делало путь кораблей со скоропортящимся товаром очень быстрым.

На Тобаго часть рабов перепродавалась, часть направлялась на плантации табака, кофе и сахарного тростника. Кроме этого дорогого товара, корабли Якоба прихватывали еще более дорогие пряности и устремлялись на север, и подхваченные попутными ветрами и течениями, влетали прямо в Ла-Манш. Словом, герцог все продумал. И не его вина, что в конечном счете колонизация закончилась неудачей.

У Курляндии просто не было достаточно людей и возможностей, чтобы удержать захваченное. И голландская колония на том же Тобаго вскоре уже втрое превосходила курляндскую по численности. Не говоря уж о торговых возможностях. Да и не везло Якобу с этой колонией, хоть ты тресни. Первый же завоз колонистов был практически полностью уничтожен тропической лихорадкой. Ну а теперь, после войны, несмотря на то что Тобаго вернули Якобу по Оливскому миру, герцог, похоже, готов был опустить руки. Тут страну бы восстановить, не до колоний.

Дел в Курляндии действительно было выше крыши. Шведы нанесли серьезный ущерб, и восстанавливать мануфактуры придется долго. Причем нужно было торопиться, чтобы постоянные покупатели не ушли к конкурентам. Европа, уже отошедшая от ужасов Тридцатилетней войны, активно грабила колонии и становилась сильнее. Она развивалась бешеными темпами, и если сейчас потерять рынок сбыта, потом его уже будет не восстановить.

Кроме западного направления существовало вообще-то еще и восточное, но Якоб относился к России настороженно. Торговал, вел дипломатическую переписку, но относился подозрительно к каждому чиху. В общем-то, неудивительно, если вспомнить, что очередная война русских с поляками и литовцами шла в непосредственной близости от герцогства.

Мало ли... Увлекутся москвиты и прихватят нужные им территории. Россия и внимание-то на Курляндию обратила только в 50-х годах, после начала войны с Польско-литовским государством. До этого, несмотря на многочисленные попытки Якоба наладить контакт, герцогство не интересовало русских царей.

Недавний Оливский мир был благом для герцога, а русским принес одни только неприятности, изменив соотношение сил в войне, которая так хорошо для них начиналась. После того как Речь Посполитая заключила мир со шведами, она могла направить против своего давнего врага многочисленные и опытные резервы. Результат не замедлил сказаться, и русские стали постепенно терять завоеванные города, один за другим.

Жаль, конечно, что дело повернулось именно так. Общая граница с Россией Курляндии была бы очень выгодна. А русские деньги, вложенные в местные предприятия, могли сработать как подушка безопасности при попытке чужого вторжения. Та же Швеция подумает, прежде чем напасть, если будет знать, что итогом ее действий может стать война с Россией. А за выход в Балтику и возможность совместно строить корабли для походов в Индию Алексей Михайлович многое бы отдал.

Но, во-первых, на сложившуюся ситуацию вряд ли можно как-то повлиять, а во-вторых, даже если бы я знал, что делать, это не помогло бы. Мне всего десять лет! И никто не будет воспринимать всерьез мое мнение. Мне повезет, если хотя бы к пятнадцати со мной станут считаться. И страшно представить, какие усилия для этого придется приложить.

Впрочем, почву для сближения с Россией можно прощупывать уже сейчас. Почему бы мне не обзавестись еще и русским наставником, который поможет «выучить» язык и расскажет подробнее о стране? При всей неоднозначности политической обстановки (все-таки Россия воюет с нашим сюзереном), торговлю никто не отменял. Ничего личного, только бизнес. Войны – это то, на чем можно хорошо заработать. Особенно если ты в них не участвуешь. Америка нехило поднялась на Второй мировой. Почему бы и Курляндии не использовать свой шанс?

Жаль, что в сутках было всего 24 часа. Я крутился как заведенный. Поняв, что учеба мешает мне проводить достаточно времени с мальчишками, я сделал совместными *все* занятия по физической подготовке. А потом пацаны начали присутствовать не только на уроках чтения, письма и счета, но и на некоторых других предметах, как слушатели. Преподаватели ничего против не имели (все равно они уделяли внимание только мне и отвечали только за мои результаты), а ребятам нравилось.

По многим предметам они от меня отставали, особенно по точным, но городская школа уже восстановила свою работу, и постепенно мальчишки поднялись до уровня своих ровесников, которые обучались в школе постоянно. По себе я их не мерил, это было бы нелепо. Все-таки за моими плечами был вуз, какое тут может быть сравнение? Потрясать своими знаниями я никого не стремился. Люди не любят тех, кто слишком от них отличается. А десятилетний пацан, изобретающий паровой двигатель, явно не вписывался в картину нормального мира.

У меня и так хватало странных идей. Едва мы вернулись из похода, я занялся формой для моих ребят. Она должна была быть удобной, немаркой и функциональной. Словом, кардинально отличаться от того, что принято. И у меня даже отмазка имелась – дескать, не заслужили мы еще носить полноценные мундиры. Герцог на это соображение покивал, но насчет «мы» велел забыть. Я, по праву своего рождения, уже имел чин. И даже орден. Противно, если честно, иметь незаслуженную награду. Позировать в нем для официального

портрета я наотрез отказался.

С портретом вообще получилась интересная история. У всех правителей и их наследников обязательно были их изображения. Причем с соблюдением всех канонов и условностей, включая отведенную в сторону руку с жезлом или свитком. Детский портрет на коне тоже входил в список обязательных. И я заранее скрипел зубами, представляя, какой ужас там получится.

Вам же наверняка встречались картинки в Интернете, где какой-нибудь толстый, плешивый политик сидит верхом на деревяшке, а с него рисуют чуть ли не Наполеона в горячке боя? Так вот мне подобное унижение предстояло пройти в реальности. Сидеть на деревянной конструкции, снабженной богато расшитым седлом, и держать на весу руку, в которой сжат малый скипетр. Блин, не забыть бы пометить в списке дел на ближайшее будущее – изобрести фотоаппарат. Хотя бы от долгих часов позирования для портретов я буду избавлен.

Единственное, что радовало – пока я позировал, у меня было время на размышления. Меня никто не дергал и не отвлекал. А в те моменты, когда мы делали небольшой перерыв, я записывал и зарисовывал пришедшие мне в голову идеи. Так родилась и форма для мальчишек. Чего велосипед-то изобретать, если я знаком с формой будущего? Просто... сразу этого продемонстрировать было нельзя. Нужно, чтобы обмундирование выглядело плодом моих долгих усилий и размышлений. Причем, если учесть современную моду, не слишком удачным. Ха! Пусть и дальше так думают.

С таким же недоверием и откровенными насмешками окружающие относились к моим проектам, которые я обсуждал с Гюйгенсом. Ученому идея самоходной кареты тоже казалась нереальной, но он поощрял мое увлечение механикой. И с удовольствием демонстрировал свои работы, объясняя, что к чему. Даже не буду врать, хвастаясь, будто я все понял. Часовые механизмы – это все-таки очень сложно.

Если бы не Гюйгенс, в ближайшие лет пять я бы и не рыпнулся изобретать что-нибудь интересное. Но идея парового двигателя просто рвалась наружу! Между прочим, Папен создал прототип именно под влиянием Гюйгенса, так что я немного обгону время. Да и не собираюсь я пока полноценную машину ваять. Я собирался сделать то, что будет расценено как естественный мальчишеский порыв – сделать игрушку.

Собственно, если верить некоторым слухам, Фердинанд Вербист всего через десять с небольшим лет skleпает для китайского императора действующую модель. А чем я хуже? Мне, по крайней мере, не придется двигаться вслепую. Я точно знаю, чего хочу и как оно должно быть устроено. Даже расчеты самостоятельно сделаю. От Гюйгенса мне требуется помощь в механике. Ну и прикрытие, типа не я все это изобрел.

Игрушка никакой роли в истории не сыграет. После изобретения Папена и до момента, когда паровые машины зашагали по миру, прошло достаточно времени. Так что вряд ли мое изобретение кто-нибудь воспримет всерьез. Разве что Гюйгенс оценит, и, может быть, родит какой-нибудь дополнительный научный труд.

Учеба, тренировки и эксперименты отнимали столько времени, что я почти забыл о музыке и живописи. Герцог напомнил. Пока до нас шла гитара, заказанная у лучшего мастера Испании, мне предложили попробовать свои силы... на скрипке. Нет, я, конечно, все понимаю. Сын герцога, голубая кровь, белая кость... Но скрипка? Я владел ей только потому, что в рок-группе из четырех человек приходилось совмещать несколько умений. У меня были гитара, упомянутая скрипка и синтезатор. Солист, помимо гитары, владел флейтой и

саксофоном. Да и остальные от нас не отставали. Даже ударник мог (чисто гипотетически) исполнить пару песен и взять три блатных аккорда.

Увидев скрипку, я не обрадовался. Стандартный инструмент, пусть и выполненный в приличном качестве, не дотягивал до привычных мне экземпляров. Ну да, Страдивари еще не создал свои произведения искусства, и у него еще нет подражателей. Придется обходиться тем, что есть, чтобы не расстраивать отца. А не забавать ли мне Рахманинова? Скрипка пела, стонала, плакала и рождала неизвестные в этом времени звуки. Как же я скучал по своей жизни, оставленной в прошлом!

Все-таки человек – это животное. Эгоистичное и не желающее ценить то, что имеет. Да, сейчас я сын герцога, и могу позволить себе многое. Но проблема в том, что в XVII веке нечего позволить! Чем заняться представителю «золотой молодежи»? Охотой? Девочками? Балами? Строительством Версалеи? Даже не смешно. Будучи начальником отдела финансовой безопасности в не самом маленьком банке, я имел намного больше. Век информационных технологий накладывает свой отпечаток.

Если бы не Якоб, я, скорее всего, плюнул бы на свои прошлые увлечения. Это когда универ закончен, и рабочий день 8 часов, можно отвлечься. И порисовать в свое удовольствие, и в ночном клубе выступить. А когда у тебя дел столько, что на 24 часа не хватает, не до мелочей. Даже если понимаешь, что эти самые мелочи спасут тебя от поехавшей (в результате перенапряжения) крыши.

Однако отец не меньше, чем я, был заинтересован в моем душевном здоровье. Он, конечно, радовался, что его сын взялся за ум, но не хотел, чтобы наследник перенапрягся и поехал крышей. Думается мне, именно поэтому моим мальчишкам и позволили посещать часть моих уроков. Якоб понял, что я ответственно отношусь к людям, оказавшимся в моем подчинении, а потому шел мне навстречу.

Ну а что удивительного? Я всего лишь мальчишка, даже по меркам жестокого XVII века. Покамест не мое собачье дело распоряжаться судьбами людей (тем более городов). Но рано или поздно мое время настанет. И лучше заранее подготовиться к этому моменту. Ну а там – куда кривая выведет. Интересно было бы взглянуть, что напишут обо мне историки будущего. Впрочем... Тут бы с собственным настоящим управиться. Но чему быть – того не миновать. Так что с богом, даже если он тут лютеранский. Я все равно попытаюсь изменить реальность так, как мне нравится.

Рука плавно отводится в сторону, легкое приседание, затем встать на цыпочки... Шаг вправо, на цыпочки, шаг влево... Скользящий шаг вперед, еще два, поклон... Целый час топтания в парадном платье, при шпаге и с партнершей, которая неодобрительно поджимает губы. Это издевательство называется почему-то танцем. Знаменитая павана, чтобы ее приподняло и расплющило. Причем не простая, а квадратная.

Вторая пара – мой учитель изящных манер Поль с одной из придворных дам. Ему досталась особа посимпатичнее. А мне, наверное, специально выбрали блюстительницу строгих манер, с физиономией, похожей на сушеную курагу, и таким выражением лица, как будто она килограммами поела лимоны, запивая их уксусом. Это чтобы у меня никаких неподобающих мыслей не завелось? Блюдут мою нравственность?

Не больно-то и хотелось. Во-первых, организм ничего такого пока не требует, а во-вторых, местные дамы впечатления не производят. Я ведь уже говорил, что запах от них не очень? Не то чтобы «смердят аки лютый зверь» (это все-таки больше похоже на историческую байку), но... на большого любителя. Первое время, правда, с непривычки вообще невыносимо было, но потом как-то притерпелся. Уже не так раздражает. Помню, нелюбовь европейцев к мытью в интернетах объяснялась недостатком древесины и ее дороговизной (как и угля). Но, во-первых, знатные господа и дамы явно на себе не экономили (там драгоценности и наряды стоили столько, что вязанка дров бесследно потерялась бы), а во-вторых, от отсутствия леса Курляндия не страдает. Если уж не в бани ходить, то ванны принимать могли бы. Похоже, это просто не принято. И церковь не слишком одобряет. Так что с мытьем существуют проблемы, а одними обтираниями нужного эффекта не добьешься. Да и условий в замке для этого особых нет.

...Шаг вбок, встать на носочки, еще шаг, опять на носочки. Все это плавно, медленно, с достоинством. Блестит натертый паркет, уложенный причудливым геометрическим рисунком, и на нем отражаются солнечные лучи, проникающие сквозь огромные окна, разделенные полуколоннами. Кажется, что стена чуть ли не полностью из них состоит. Шторы чисто символически обрамляют высокие арки, драпируясь причудливыми складками.

У противоположной стены, обитой тканью, стоят небольшие диванчики и многочисленные стулья на витых ножках. Высокий сводчатый потолок украшен лепниной, росписью и позолотой. Картинки античных сюжетов сменяют одна другую. Статуи из белоснежного мрамора стоят в нишах, приподнятые над полом примерно на метр. Все это дорого, красиво, но... совершенно обычно. Если первое время я рассматривал мебель, картины и многочисленные безделушки с восхищением и некоторой почтительностью, то теперь перестал обращать на них внимание.

Человек – странное существо. Быстро привыкает и к плохому, и к хорошему. Моя заикленность на том, что я попаданец, прошла месяца через два. И я понял, что борьба детского организма и взрослого разума проходит не так гладко, как мне хотелось бы. Несвойственные мне порывистость и желание всех поразить частенько выходят из-под контроля. Вот и сейчас мне больше всего хотелось сбежать, чтобы заняться чем-нибудь гораздо более интересным. А ведь я-взрослый частенько занимался нудными и неинтересными вещами, если того требовали обстоятельства. И моя терпеливость помогала

мне ловить «косяки» в финансовых документах. Мда. Придется нам с организмом как-нибудь находить общий язык.

Я еле дождался, когда закончится, наконец, очередной урок танцев. Балы были неотъемлемой частью жизни местного общества. Здесь общались, заключали сделки и брачные союзы (зачастую это было одно и то же), мозолили глаза правителю, напоминая о заслугах (своих личных или далеких предков), и просто сплетничали.

Развлечений в XVII веке было немного, так что каждый бал был событием. И огромной тратой денег. Даже отец, весьма прагматичный, рассудочный и меркантильный человек, не мог отказаться от их проведения. Хотя казалось бы – страна только после войны, какие балы? Ан нет. Традиции есть традиции. И я мучился, изучая различные танцы. Павана, контрданс, аллеманда и грамматическая основа танцевального искусства – куранта.

Вовремя, кстати, мы эти расшаркивания закончили. Утренний чай (недешевая вещь по нынешним временам) уже просился наружу, и я спешил от него избавиться. К моему счастью, невзирая на то что я читал в Интернете, люди XVII века (во всяком случае, в Курляндии) ведут себя адекватно, и за портьерами в замке все же не гадят. И нужду не справляют в первом же подвернувшемся месте. В замке есть вполне приличные туалеты – для герцогской семьи, для придворных и для слуг. То место задумчивого уединения, в которое я спешил, было небольшой комнатой (метров десять квадратных). Отделанные изразцами стены, и в центре довольно удобное сиденье, похожее на пуфик с дыркой посередине. Причем верхняя часть еще и поднимается! Никаких труб, конечно, нет, есть глубокая яма. Но все вполне цивилизованно. Даже тазик с водой стоит, который меняют после каждого посетителя.

Конечно, остальные туалеты не столь нарядные, как тот, что предназначен для герцогской семьи, но они есть! Так что жить можно. Словом, в Европе все не так страшно, как я напридумывал себе, начитавшись интернетовских баек. Есть, конечно, отдельные случаи... но они везде есть. А дамы, кстати, отталкивали не только запахом, но и внешностью.

Красивых женщин всегда мало. А в Курляндии с этим вообще беда была. Мало того что местная мода никак не сочеталась с моими представлениями о прекрасном, так еще и сами мордашки были откровенно никакие. От запаха, в конце концов, даму можно отмыть. И легкую полноту я пережил бы (плоские животы? забудьте!), а вот с невзрачной внешностью уже ничего не поделаешь. Не спасали ни парики, ни наряды, ни тонны косметики. Местные признанные красавицы не вызывали у меня ничего, кроме чувства острой тоски по оставленному в прошлой жизни.

К счастью, удариться в глубокую депрессию было просто некогда. Учеба сжирала все время. У меня появилось ощущение, что я несколько распыляюсь, но отказаться от какой-либо дисциплины было выше моих сил. Раз уж я готовился стать правителем, мне потребуются все знания, которые я только смогу получить. Несколько языков? В первую очередь. Каждый правитель был полиглотом. Пять-шесть языков – это обязательный минимум для общения с соседями. А еще и латынь с греческим прилагались, ибо без них человек и образованным-то не считался.

А я еще и русский решил выучить. Точнее, прикрыть свое знание этого языка. Вот только не сообразил, что язык XVII века очень сильно отличается от языка XXI века. Ладно разные яти, фиты и твердый знак в конце слова, об их существовании я хотя бы подозревал. А вот к тому, что один звук может обозначать две буквы, я как-то был не готов. Про буквы «кси»

и «пси» я вообще никогда не слышал. А надстрочные знаки просто взламывали мой мозг. Так что русский язык реально пришлось учить, как и любой другой иностранный.

Еще хуже стало, когда я попробовал разговаривать. Оказывается, мое тело, которое с легкостью воспроизводило латынь и греческий, на русском давало сбои. То есть мысленно я слово мог проговорить, а произнести вслух – застрелиться проще. Такое ощущение, что у меня во рту горячая каша. А мой язык завязывался в узелки до тех пор, пока не возникало ощущение заработанного перелома.

Хорошо хоть препод мне достался вменяемый. Молодой человек примерно 25 лет, который представился Петром, происходил из древнего, но обедневшего боярского рода. Его отцу пришлось чуть ли не царю в ноги падать, чтобы обеспечить своего отпрыска нормальной работой. Ну и сам Петр, надо отдать ему должное, старался на совесть. Действительно меня учил, не смешивая свои уроки с политикой.

Жаль, но в XVII веке мало кто понимал ценность влияния на детские умы. Кроме французского агента не было вообще никого, кто пытался бы меня приручить. Льстили безбожно, но больше для того, чтобы подобраться к моему отцу. А вот методично вбивать в голову, что какая-то страна лучше прочих, и что все, что она делает – безусловно правильно, этого не было. Полагаю, что и мой учитель Поль – это один из старых кадров Ришелье. Тот любил многоходовые интриги, умел мыслить глобально и планировать будущее.

Вот у кого бы поучиться! Отец, при всем уважении к нему, был больше промышленник, чем политик. Не уловил момента, когда нейтралитет страны стал из полезного губительным. И прохлопал нападение шведов, понадеявшись на дипломатические бумажки. Ну, подписали с ним договор о мире. И что? Понятно же, что на этот документ наплюют сразу же, как только изменится ситуация. А Якоб до сих пор опирался на какие-то официальные обещания.

Да грош цена им в базарный день! Вот зуб даю, что шведы нас еще раз на прочность попробуют. Пусть даже это будет не полноценная война, а локальный конфликт, но нападения не избежать. Убытки герцогства от войны составили 6,5 миллиона талеров, колоссальную сумму (для сравнения: совокупный внутренний доход Швеции в то время составлял 3,5 миллиона). Неужели шведы устоят перед повторением грабежа? А нам их и встретить нечем. Речь Посполитая в лучшем случае выдаст шведам ноту протеста. Сильно это поможет Курляндии?

Я не уверен, что наша страна вообще сумеет оправиться после войны и вернуться на прежний уровень. А уж если она попадет под каток разорения еще раз – вообще без шансов. Так что нужно начинать думать в этом направлении. Неплохо было бы иметь «крышу». Но чего такого ценного наша маленькая страна может предложить, чтобы другое государство стало из-за Курляндии впрягаться в войну со шведами?

Старая пословица предупреждает, что если не кормить свою армию, то тебе же хуже будет. Но что, если страна слишком маленькая? И содержать огромную армию просто не имеет возможности? Всю свою прошлую жизнь я прожил в большом государстве, которое могло за себя постоять. И оказаться маленьким пушистым кроликом, возле которого кружат сразу три хищника – ощущение не из приятных. Речь Посполитая еще ладно, мы и так их вассалы. Но ни Швеция, ни Россия не откажутся прихватить то, что плохо лежит.

В принципе, если наладить нормальную разведку, о вражеских планах нападения можно узнать заранее. Тут вообще не очень серьезно относятся к сохранению военных и иных тайн. А имея много денег, можно привлечь к решению проблемы наемников. В Европе крутится

куча народа, которая не умеет ничего, кроме как сражаться и убивать. И, что характерно, и не хочет уметь. Но такой номер пройдет один раз, максимум два. Постоянно пользоваться наемниками опасно. Они никогда не будут думать о благе страны, за которую сражаются.

Помнится, это я еще в своей прошлой жизни у Макиавелли читал. «Полагаться на наемные и союзные войска бесполезно и опасно, и если кто-то рассчитывает утвердить свою власть с помощью наемников, то ему не видать покоя и благополучия, ибо они разобщены, тщеславны, недисциплинированы и ненадежны». Сложно не согласиться с умным человеком. Но неужели нет никакого приемлемого выхода из сложившейся ситуации?

Понятно, что географическое положение Курляндии и ее материальный достаток просто умоляют сильных врагов «захвати меня». Но можно же хоть как-то повлиять на ситуацию? Думаю, что при невозможности содержать огромную армию, можно сделать упор на более совершенное оружие. Такое, которое даст неоспоримое преимущество перед врагом. Большую войну Курляндия не потянет (такие «развлечения» плохо сказываются на бюджете любой страны), но короткое сражение с целью отбить желание поживиться за чужой счет – вполне.

Кстати, новое, прогрессивное оружие и наемники не совместимы от слова «совсем», иначе изобретение быстро уйдет за границу. Оно, конечно, все равно уйдет, но хотя бы после первого боя, а не до него. А если хорошенько подумать над конструкцией и составом металла, то и повторить не сразу смогут.

Наверное, пора конкретизировать свои планы на будущее. Иначе я так и буду разбрасываться, хватаясь за все сразу и не получая в итоге ничего хорошего. Период адаптации закончен, и нужно думать, в каком направлении двигаться.

Первым пунктом идут пацаны. Бросать я их не собираюсь. Проект оказался даже более удачным, чем я предполагал. Не все мальчишки станут воинами, но тунеядничать и лениться ни один не стал. Обучаясь вместе со мной, некоторые ребята проявили склонность к механике и математике. Такие устремления следовало поощрять, и Гюйгенс не отказался от пары помощников. А что? Можно свалить грязную работу, и платить не нужно. Правда, стоит отдать ему должное, он и о процессе обучения не забывал.

Ну а поскольку одного Гюйгенса для реализации моих амбициозных планов было мало, я начал капать отцу на мозги, чтобы тот пригласил еще и Глаубера. Герцог сопротивлялся. Опасался, что я займусь поисками философского камня и спущу на это дело все состояние. Блин! Семнадцатый век на дворе, какие камни? Однако я с удивлением выяснил, что эта идея не потеряла своей привлекательности. И находятся люди (образованные, между прочим), которые продолжают рыть в этом направлении.

Еще больше я удивился, когда узнал, что Глаубера обвиняют в том, что он... аферист. Типа, продал рецепты лекарств, а приготовить по этим рецептам ничего нельзя. Скандал разгорелся еще лет пять тому назад, но отголоски, видимо, до сих пор не утихли. Я когда-то читал, что на Глаубера наехали виноделы, когда тот изобрел винный спирт и уксус. Конкурентов нигде не любят, а один ученый против толпы финансово заинтересованных дельцов – это даже не смешно. Но я как-то не думал, что все настолько серьезно. В любом случае я хотел заполучить этого ученого, и старые скандалы меня совершенно не интересовали.

Что я планировал получить в итоге? Найти для Курляндии свою нишу. Страна поднялась во время Тридцатилетней войны, продавая в Европу буквально все подряд – и ткани, и корабли, и зерно. Но долго рассчитывать на этот бизнес нельзя. Европейские страны уже

отошли от глобальной войны, сами начали производить много полезного, и грабят колонии гораздо эффективнее, чем Курляндия.

Продавать товары своим соседям? Смешно, но эти самые соседи не слишком богаты. Ни Швеция с ее постоянными войнами и дефицитом бюджета, ни Речь Посполитая с перманентными шляхетскими разборками, ни Россия, которая еще не отравлена вирусом преклонения перед Западом – ни одна из этих стран не сможет стать надежным, постоянным покупателем. Торговать с ними можно и нужно, это приносит хорошую прибыль, но Европу однозначно не заменит.

И какой вывод? Производить что-нибудь эксклюзивное. И хранить секрет производства, организовав нечто типа закрытого города. Зеркала, хрусталь, цветное и прозрачное стекло – все это может стать неплохим источником прибыли. Глаубер, кстати, со стеклом работал, его просто нужно направить в нужную сторону. Ну а вкупе со знаниями и умениями Гюйгенса можно получить прекрасные хронометры и более совершенные подзорные трубы.

Паровой двигатель я тоже не заброшу, но это, скорее, для того, чтобы отточить свои навыки. О железных дорогах покамест можно только мечтать. Но сделать первые шаги в этом направлении было бы неплохо. Я же не только на себя работаю, но и на перспективу. А это значит, что не стоит пренебрегать никакими возможностями. Я даже планировал уговорить отца отпустить меня «в свободное плавание». Под присмотром, конечно, но дать больше самостоятельности.

Нет, ну а что! Сам герцог в 12 лет в Ростовский университет отправился. А раз меня он не хочет далеко из страны отпускать (в связи со сложившейся политической обстановкой его можно понять), то пусть даст возможность обучаться на практике. Начать свое дело, ставить эксперименты и зарабатывать деньги. Надо учиться налаживать торговые связи, продавать товар и организовывать производство. До сих пор я работал в сфере, где деньги рождали деньги. А теперь мне предстояло нечто для меня новое.

Нет, от своей прежней профессии я тоже не собирался отказываться. У меня в планах было организовать банковскую сеть и обязательно поближе познакомиться с амстердамской биржей. Там крутятся очень большие деньги, будет глупо их упустить. Только недавно закончилась истерия с «тюльпаноманией». В период этого помешательства цены на луковицы тюльпанов взлетели до фантастических высот. Доходило до того, что одну луковицу, по словам свидетеля этих событий, меняли на «новую карету, двух лошадей серой масти и их упряжь». А потом – бум, и толпы новых нищих ищут, кому бы продать эти чёртовы луковицы.

Дураками предков, конечно, считать не стоит. На амстердамской бирже наверняка такие зубры водятся, что сожрут живьем без соли и не подавятся. Но в моей голове крутились потрясающие схемы! Ум человека, желающего как можно больше халявы, придумал кучу возможностей «относительно честного отъема денег у населения». Максимум выигрыша при минимуме вложенных средств!

Еще одним местом, где можно было неплохо пожить, оставалась Африка. Благодаря беседам с отцом, я выяснил, что из Гамбии в Курляндию поступали слоновая кость, кожи антилоп, разные экзотические корни, перец, пальмовое масло и, конечно, жемчуг. Мы впаривали туземцам металлический ширпотреб и алкоголь, а они отдавали кучу ценностей, включая собственных соплеменников. Правда, золота в Гамбии Яков так и не нашел. Ха! Зато я знаю, где в Африке есть алмазы! Прямо чуть ли не на земле лежат и ждут, когда их кто-нибудь подберет.

А золото Трансвааля? Вот только стоит нам найти там что-нибудь существенное, как тут же образуется толпа желающих прикарманить доходное место. Единственный вариант избежать такого поворота событий – держать свою находку как можно дольше в секрете, и успеть вывезти из Африки как можно больше, пока более сильные державы не ввязались в дележку прибыльных земель. В XIX веке англы были бесспорными фаворитами. А сейчас к веселухе могут присоединиться и французы, и голландцы, и испанцы. Наверное, стоит дожидаться очередной глобальной европейской войны (за испанское наследство, например), и вот тогда можно сорвать банк.

А что? Захватить никому не нужные земли в качестве перевалочной базы, а году так в 1698-м «найти» там золото и алмазы. Пока весть дойдет до Европы, там уже будут заняты внутренними разборками. Какие-то войска, может быть, и пошлют, но вряд ли станут серьезно расплывать силы. В том, что тайну удастся долго сохранить – я сильно сомневался. Как ни таись, все равно кто-нибудь проболтается. Да и от шпионов не застрахуешься.

Другое дело, что новости из Африки до Европы идут долго. А правителям для начала нужно понять – не дезинформация ли это. И действительно ли запасы алмазов и золота велики. Стоит ли связываться, ведь момент-то откровенно неудачный. Словом, если подрассчитать, получится очень неплохая авантюра. Прибыльная. А корабли в достаточном количестве Курляндия изготовить способна. Между прочим, Якоб клепал эти самые корабли в таких количествах и такого качества, что их с удовольствием покупали. Причем не кто-нибудь, а Англия, Франция и Италия. Имевшие, между прочим, и свои гигантские верфи.

Мда. Чем больше я вникал в дела Курляндии, тем отчетливее понимал, что я самый натуральный классический попаданец. А в качестве гигантского роля мне досталась целая страна. Между прочим, по закону жанра, герой должен превозмогать, а мне досталась прогрессивная Курляндия, пусть и немного в поюзанном состоянии. С ходу даже и не поймешь – а чего тут прогрессорствовать-то? Все уже украдено... в смысле сделано до нас.

Сельское хозяйство? Впереди Европы всей. Якоб уже давно ввел рациональную обработку полей и прогрессивную для XVII века агротехнологию. Даже грамотную мелиорацию провел. Осушенные земли засеивал только сортовым зерном и исправно платил премию тем помещикам, кто поступал так же. В других местах, в поймах рек, он ставил плотины, искусственно на несколько лет заливал земли водой, выращивая в образовавшихся прудах рыбу, затем воду спускал и на удобренной илом земле сеял пшеницу. И она у него вырастала, давая невиданные урожаи. Удивительно, но при Якобе в окрестностях Бауски пшеницы стали сеять даже больше, чем ржи...

Животноводство? Герцог без всяких ноутбуков догадался закупать голландских коров и испанских овец, которые давали много молока и шерсти. И про свиней не забыл, поскольку хрюшки – это сало, а сало – это свечи, а свечи в XVII веке – это единственный источник освещения, имевший гарантированный спрос и приносящий хорошие деньги.

Ну, а про железо, ткани и корабли я уже говорил. Якоб реально сотворил экономическое чудо: стоимость вывозимых из герцогства товаров значительно превысила стоимость ввозимых. Золота у Якоба было так много, что он финансовым способом стал решать даже внутривнутриполитические задачи. В частности, выкупил все заложенные-перезаложенные имения курляндской аристократии.

Словом, один неистовый прогрессор в нашей стране уже случился. И чтобы его переплюнуть – это я даже не представляю, как постараться нужно. Моя задача – не слить то, что мне достанется. А в идеале – сделать Курляндию еще богаче. Ну и постараться защитить

ее, чтобы никакие шведы свои загребушие ручки не тянули. Хотя бы из опасения, что потеряют гораздо больше, чем приобретут. Блин! Сейчас самое время, чтобы вмешаться в их историю. Карл X благополучно помер, Карл XI еще маленький ребенок, а Магнусу Делагарди можно прищемить хвост. В постоянно воюющей Швеции финансовые дела идут не очень. Эх, как же жаль, что будет прохлопан такой удобный момент! Внутренние разборки надолго отвлекли бы шведов от соседей.

Что я мог сделать прямо сейчас? Начать реализовывать свои знания. Где-нибудь в тихом месте, славном своими мастерами. Для начала поработаем с янтарем (видел я как-то, как измельченный до состояния крошки янтарь прессуют, нагревают, смешивают с красителями и разливают в различные формы), попробуем изобрести хрусталь и освоить производство мельхиора. Между прочим, китайские поделки из него в Европе порой стоят даже дороже, чем серебряные. Да, и над оружием необходимо поработать. Создать нечто такое, что даст преимущество в сражении.

Ну а следующим пунктом станут хронометры, подзорные трубы и карманные часы. Вызов для Гюйгенса – запатентовать их на пятнадцать лет раньше! И как бы так повлиять на отца, чтобы он не охладил к колониям? У меня была идея привлечь на свою сторону кого-нибудь из обосновавшихся на Тортуге или Пти-Гоаве корсаров. Поддержать Тобаго (поскольку это единственное, что осталось), а потом и на Африку перекинуться. Но как такую идею задвинуть герцогу – я пока слабо представлял.

Разговор с отцом получился сложным. Все-таки, как ни крути, десять лет – слишком мало, чтобы пускаться в самостоятельное плавание. Даже в XVII веке, когда дети довольно рано взрослели, это был не возраст разумных решений. А если учесть, что раньше Фридрих только балду пинал, то ситуация становилась еще сложнее.

– Ты понимаешь, что еще недостаточно взрослый для того, чтобы быть самостоятельным? – строго вопрошал герцог.

– Отец, но вы были всего на два года старше, когда отправились учиться в Ростокский университет. А я даже не буду покидать страну. Понимаю, что это небезопасно.

– Что скажет твоя мать?

Я только вздохнул. Это да. Материнский инстинкт – страшная сила. Дай герцогине волю, она бы в вату меня замотала и убрала на самую дальнюю полку. Матушка и так пришла в дикий ужас от того, что я отрезал «чудесные локоны» и перестал носить «премилые вещички с кружевами». И даже то, что я был далеко не единственный ребенок, ситуацию не спасало.

– Ее светлость будет считать меня ребенком и через десять лет, – нахмурился я.

– Ты неплохо показал себя, командуя мальчишками. И пусть настоящих солдат тренируют совсем не так, что-то в твоих идеях есть, – признал герцог.

– Однако военное дело – это еще не всё. Отец, вы же знаете, что спрос на многие товары, которые производит Курляндия, упал. И цены снизились. Я ведь не просто так ездил с вами по стране. Я слушал, о чем вы говорите с торговцами и мастерами.

– И ты думаешь, что можешь помочь? – невольно улыбнулся Якоб. Ну, понятно, всерьез меня не воспринимают. – Я рад, что ты желаешь блага своей стране. Но все-таки ты еще слишком мал.

– Но если не попробую, я не узнаю! У меня возникло несколько интересных идей.

– Христиан неплохо о тебе отзывался. Но зачем ехать в глушь? Почему ты здесь не можешь заняться своими изобретениями?

– Слишком много любопытных людей, – озвучил я очевидную причину. – Многие столетия никто не мог разгадать секрет китайского фарфора. И венецианского стекла. Полагаю, что мне удастся создать нечто такое, что тоже будет пользоваться спросом и принесет немало денег в казну. Но я хочу, чтобы на моих изобретениях зарабатывала Курляндия, а не та страна, чьи шпионы окажутся самыми расторопными.

– Ты кого-то подозреваешь? – напрягся герцог. У меня чуть челюсть не отвалилась. А он что, никого не подозревал? Да ладно!

– Месье Поль слишком много говорит о Франции. И слишком часто стоит рядом с ее светлостью, когда она изволит обсуждать важные вещи. А австрийский и шведский посланники от нее вообще не отходят. Матушка, как я слышал, не раз на них жаловалась.

– Не хочешь ли ты и вовсе от учебы отказаться? – пытливо посмотрел на меня герцог, съезжая с неудобной темы.

– Напротив. Хочу в деле проверить знания, которые мне дают. И от остальных учителей я не отказываюсь. Напротив, хочу увеличить их количество. Глаубера вот жду.

– Послал я ему приглашение, послал, и он ответил согласием, – раздраженно отмахнулся Якоб. – Уж не знаю, что лучше. То ли когда ты игрался, не проявляя к учебе никакого желания, то ли когда наукой занялся и не развлекаешься совсем.

– Да вот же только у нас домашний концерт был, – напомнил я отцу. – А на рисование да, времени не хватает. Но я же столько учусь! Мне вон даже Отто предлагает съездить на охоту, развеяться.

– Ты действительно позабыл о своих прошлых увлечениях.

– Просто... Когда я болел... Я боялся, что умру. И подумал – почему я так мало успел? И постоянно расстраивал тебя из-за небрежения учебой. Я испугался и изо всех сил пообещал, что если выздоровею, то стану достойным наследником. Буду учиться. Наверное, Всевышний услышал мои молитвы. И теперь мне многое дается легче. Как будто мне помогают сдержать мое слово.

– Сын мой... – растроганный отец с силой меня обнял.

Однако я напрасно облегченно вздохнул, получив разрешение заняться сборами в дорогу. Мне еще предстоял разговор с матушкой. И она явно была недовольна моей самостоятельностью. Так что когда меня вызвали к ней на ковер, я даже не удивился. Понятно было, что именно этим все и закончится. Отец, конечно, хозяин в доме, но если герцогиня упрется, мои планы могут накрыться медным тазом. Что самое любопытное – сам Якоб при разговоре не присутствовал. Хм... Может, это очередная проверка моей самостоятельности и выдержанности?

Будуар герцогини, куда меня пригласили для доверительной беседы, был оформлен в бледно-голубом цвете. Даже рисунок был похож на тканях, которыми была обита мебель, обтянуты стены и из которых пошили шторы. Невысокий белый столик на ножках в виде русалок, комод с зеркалом, несколько диванов и кресел, огромный камин с различными безделушками типа шкатулок, статуэток и подсвечников, картины на темы «великие женщины в мифической истории» и высокая ширма, отгораживающая угол. Скромная домашняя обстановка, да.

Женщина, оказавшаяся матерью моего тела, носила имя Луиза Шарлотта Бранденбургская. Невысокая, с округлым лицом, темноволосая и темноглазая, она имела совершенно посредственную внешность. Я бы даже сказал простоватую. Но зато надменности было столько, что она чувствовалась за несколько метров.

Герцогиня восседала в мягком, удобном кресле, а мне жестом предложила присесть на скамеечку. И служанок не выгнала, кстати, а те принялись изображать бурную деятельность, настойчиво грея уши. Мда. Шпионы и сплетники. Неизвестно, что хуже. В любом случае нужно быть очень осторожным и следить за словами.

– До меня дошли ужасные слухи, будто мой сын собирается уехать из дворца и жить в какой-то глуши, – поджав губы, сообщила герцогиня. Ух ты! Интересно, и кто это ей преподнес новость в подобной форме?

– Вас не совсем верно информировали, матушка, – почтительно возразил я.

– Ты так порадовал меня на домашнем концерте, – продолжила гнуть свою линию герцогиня. – Тебе наконец-то далась музыка. И в живописи ты делаешь успехи, хотя я не одобряю твое нежелание следовать канону. Но твои забавы с оружием? Вся эта пальба, сражение на шпагах, скачки на лошадях?

– Матушка, рано или поздно я займу место моего отца. Пусть он здравствует еще долго. И я не хочу, чтобы меня и мою семью взяли в плен. Я желаю научиться защищаться.

– Но почему ты хочешь уехать из замка?

– Желаю начать учиться управлять, – спокойно объяснил я. – Не стоит волноваться, я продолжу заниматься с учителями. Но мне уже пора попробовать хоть что-то сделать самостоятельно. Пусть поначалу это будет небольшая деревня. Я пойму, как и что можно требовать с людей, как правильно отдавать приказы и как получать прибыль. Отец снова хочет сделать Курляндию богатой страной. Такой, какой она была до шведского нападения. И я должен ему помочь.

– И уделять больше времени своим изобретениям, – снова поджала губы матушка. – Это развлечение для людей более низкого сорта, чем мы.

О как! Если Якоб постоянно мотался по делам, а воспитанием детей занималась герцогиня, неудивительно, что наследник таким долбодятлом вырос. Изобретения, видите ли, недостойно делать. А строить дворцы и просаживать имущество на операх и балетах – это очень почтенно и благородно. И уж конечно тонкая, чувствительная личность не должна спускаться с небес на грешную землю и задумываться о таких насквозь прозаических вещах, как будущее собственных потомков.

– Я с вами полностью согласен, матушка, – не стал спорить я. – Но ведь люди более низкого положения не всегда могут угадать наши желания. Порой их нужно подтолкнуть, чтобы они изобрели именно то, что мы желаем. Ведь наши потребности отличаются.

Гюйгенс, Глаубер, извините, ребята. Я, разумеется, так не думаю, но в данный момент мне необходимо изобразить послушного и почтительного ребенка. Чтобы матушка была спокойна – я по-прежнему в ее воле и послушен ей.

– Мне сказали, что ты хочешь заставить тамошних крестьян делать какие-то дорогие вещи...

Ага! Судя по тону, матушка начала колебаться. Но любопытно, кто же меня закладывает? С отцом я разговаривал наедине. Неужели он решил поделиться с женой деталями нашей беседы? Или ограничился пересказом в общих словах? На всякий случай щекотливую тему нужно как-то замять. И что подойдет для этого лучше, чем тот прототип парового двигателя, который мы сделали с Гюйгенсом? Пока это – сырая наработка. Причем даже перспектив в ближайшем будущем у нее нет. Но какой из нее получится отвлекающий фактор!

Даже жаль, что мне эта идея сразу в голову не пришла. Поскольку моя деятельность все равно будет привлекать внимание, пусть оно концентрируется на чем-нибудь безобидном. А

если раздуть шумиху вокруг парового двигателя, то за этой дымовой завесой вполне можно скрыть другие проекты. Более обыденные и более ценные.

– Я мечтаю сделать такую карету, которая будет двигаться сама по себе, без лошадей, – поделился я с герцогиней «мечтой», сделав восторженные глаза.

Кажется, от моей идеи матушка слегка впала в ступор. Ну да, понятно, мысль неожиданная. В XVII веке к такому прогрессу были еще не готовы.

– Возможно ли такое? – усомнилась матушка.

– У нас уже есть кое-какие итоги, – нагло соврал я. – Только никому не рассказывайте, матушка. Это большой секрет.

Интересно, через сколько секунд после окончания беседы об этой великой тайне будет знать весь наш двор?

– Хорошо, сын мой, я соглашусь с твоим отъездом, – неохотно кивнула герцогиня. – Но ты должен обещать, что будешь постоянно писать и навещать нас, – строго добавила она. – И я хочу, чтобы ты вернул свои чудесные локоны к весеннему балу.

– Как скажешь, матушка, – почтительно согласился я, приложился к ручке, после чего меня расцеловали в обе щеки и наконец отпустили.

Только зайдя за угол, я позволил себе шепотом завопить «йес», подпрыгнуть и резко опустить сверху вниз согнутую руку со сжатым кулаком. Осталось всего ничего – собраться в дорогу. Я даже и не подозревал, как это будет геморройно! Мне-то доводилось строить только подчиненных мне мальчишек. А они, всего через пару-тройку походов, не доставляли хлопот. К тому же приставленные для контроля за нами трое бывших вояк продолжали контролировать процесс. Хотя с некоторых пор почти в него не вмешивались.

Совсем другая история – это сборы наследника герцога для долговременной поездки. Я просто по своему положению не мог обойтись отрядом мальчишек. И если полагающаяся мне охрана проблем не доставила (как и все военные, они умели быстро собираться и четко исполнять распоряжения), то со штатом слуг получилась сплошная морока. Развести столько бесполезной суеты на пустом месте – это нужно уметь.

Естественно, я постарался отбрыкаться хотя бы от некоторых слуг. Ну ладно, нужен тот, кто будет готовить, стирать и убираться. Это я хоть как-то могу понять. (Тем более что постоянно заниматься этим я не любил еще в прошлой жизни, даже несмотря на кучу техники, облегчающей процесс.) Но зачем мне всякие одевальщики и подавальщики? Штаны я сам могу на себя натянуть. И обслуживать себя за столом способен самостоятельно.

И я еще мечтал избавиться от шпионов? Наивный. Мог бы и сообразить, что наследник герцога должен иметь соответствующее сопровождение. Туда даже портной с парикмахером обязаны входить, не говоря уж об обычном обслуживающем персонале. А теперь добавьте к этому бардаку десяток моих учителей, которым тоже слуги нужны. И одного Гюйгенса, который хуже их всех, вместе взятых.

Правда, ученый (в отличие от многих из моих сопровождающих) был только рад покинуть шумный двор, где его постоянно отрывали от дел (особенно дамы). Но вы представьте, сколько всяких вещей пришлось везти вместе с Гюйгенсом! Все его инструменты, наработки, готовые изделия, книги и множество мелочей. Где-то через неделю сборов я уже готов был сдать, сказать, что никуда мы не едем и остаться в замке. Однако природная упертость не давала этого сделать. Ну и, конечно, было у меня такое подозрение, что это очередная проверка от Якоба.

Провожали меня, как в последний путь. Куча пафосных речей, напутствий и пожеланий.

Я уже и не чаял вырваться из замка. Хотелось сорваться с места и побыстрее отправиться к самостоятельной жизни, но обоз тащился медленно и печально. Я, как всегда, разделил ребят на четыре пятерки и поочередно примыкал то к одной, то к другой. Дорога для наследника герцога охранялась так, что здесь вполне могла стать реальностью легенда о том, что безбоязненно может пройти невинная девушка с мешком золота, но мне просто было интересно.

В своей прошлой жизни я побывал в Прибалтике всего лишь раз, в 1991 году, прямо перед развалом Союза. Красивый город Вильнюс, поразивший мое воображение костел Святой Анны, и старый город, где я чуть не заблудился... Туристическая поездка нашего класса закончилась вовремя – незадолго до появления танков и волнений.

Ну, Митава сейчас точно Латвии принадлежит. А Гробин? Путаюсь я в границах этих мелких государств. Да и не интересовался никогда их историей. Так, знаю поверхностно. Да и несущественно это в XVII веке. Здесь совсем другие границы и другие люди.

Я ехал по стране, и в очередной раз ужасался ее разорению. А ведь Гробин, где обосновался Якоб, был гораздо ближе к польской границе, чем к шведской. Хотя... учитывая здешние расстояния... для хорошего войска это не проблема. А уж воевать шведы умели, нужно отдать им должное. У них, как и у поляков, тоже был шанс стать империей. И даже почти получилось это сделать. Но шведы сделали распространенную ошибку – пошли завоевывать себе жизненное пространство на восток. И в конечном итоге потеряли свое место в числе значимых мировых держав.

Однако все это – дело далекого будущего. А мне нужно было заниматься делами сегодняшними. Если ничего не делать, Курляндия так и станет российской губернией. Причем достанется русским уже разоренной неумелым управлением. Без денег, людей, кораблей и возможностей. Печальная картина, на самом деле.

Деревушка Каркле, которую я выбрал для своего пребывания, имела несколько плюсов. Во-первых, стояла на холме, откуда открывался прекрасный вид на небольшую речку. Укрепить ее и проследить, чтобы здесь не шастали чужие – не так уж сложно. Во-вторых, здесь находилась кузня, а мастера славились качественной продукцией. Они отливали из курземского железа пушки и якоря, ковали скобы, гвозди, подковы и прочие металлические изделия, включая огнестрельное и холодное оружие.

В-третьих, здания мастерских стояли в отдалении от самой деревни. И после шведского разграбления там имелись пустые помещения. Особенно меня привлекли рассказы о каменном сооружении, где раньше возились с порохом, и большой конюшне, из которой увели всех лошадей. Первое я планировал отдать Глауберу, а второе (после переделки) Гюйгенсу. Не знаю, правда, как он отнесется к этой идее.

К моему удивлению, ученый воспринял предложение адекватно. Ему было абсолютно все равно, кто там располагался раньше. Главное, помещение было большим, надежным и сухим. А то, что с ним нужно поработать – это даже к лучшему. Гюйгенс привык организовывать пространство вокруг себя так, как ему нравится. А здесь и оглядываться ни на кого не нужно. Единственное, что его не устраивало – внутри было слишком мало света. Но на первых порах эту проблему можно будет решить с помощью свечей и факелов, а потом в стенах сделают окна.

Местные жители оживились с моим приездом. Видимо, почувствовали себя спокойнее. Дескать, раз уж наследнику разрешили здесь поселиться, значит, деревне никто не угрожает. Я пообщался с местными крестьянами и с удивлением узнал, что по своему статусу они мало

отличались от рабов. Их можно было покупать, продавать, разлучать семьи и увозить в неизвестном направлении. К мастерам относились получше, но только до тех пор, пока они работали и выполняли заказы.

А ведь я на одном из здешних уроков слышал про принятый в 1617 году свод законов, так называемый «Курляндский статут», но как-то не соотнес рассказ с реальностью. Привык, что история – это нечто такое, что случилось очень давно, и не готов был вот так с ходу столкнуться с рабством. Мда. Не думал, что все так запущено. Конкурировать с Европой и так-то будет невероятно сложно, а уж с такими работниками... без комментариев.

Для моего проживания планировалось экспроприировать самый большой дом, но я уперся. Зачем? Есть же пустые дома. А то, что они слегка потрепаны в военном конфликте... так на фига я слуг столько брал? Пусть стараются, обустроят помещение. И сами пусть пустые дома занимают. А я пока и на природе неплохо посплю. Мы с ребятами не раз это делали.

Единственным, кого я освободил от суеты, стал Отто. Он был нужен мне для других целей. Я попросил его пройти по деревне и порасспрашивать жителей Каркле на тему, кто чем дышит и кто чего может. Ну и про местного старосту заодно. Наверняка не сегодня, так завтра он здесь появится. Его не могли не предупредить о том, что столь высокие гости навестят подотчетную ему деревню. Как бы нервный срыв на данной почве не получил бедолага.

Пусть не торопится. Главное переживание у него еще впереди. После того, как я немного приживусь в деревне, я намеревался и город навестить. И проверить бухгалтерию. Из любопытства, сколько нынче воруют чиновники. Ну а пока меня ждала разбивка лагеря, готовка ужина и крепкий сон на свежем воздухе. Все дела начнутся завтра. И надеюсь, я справлюсь с тем, что сам себе напланировал.

Толстые свечи ярко горели, освещая листы бумаги, чернильницу из яшмы, похожую на причудливую многоножку, и несколько сломанных перьев. Я подвел черту под очередным столбиком цифр (где мой калькулятор?) и тяжело вздохнул. Выделенная мне сумма денег никак не хотела растягиваться на все то, что я запланировал. Зато бумаги с отчетами, запросами и даже жалобами грозили затопить меня своим количеством. Такое впечатление, что они размножились прямо на столе.

Способ получения дополнительных средств известен всем, кто хоть раз смотрел «Трое из Простоквашино». Там было аж два рецепта обогащения. Первый – найти клад, а второй – продать что-нибудь ненужное. Со вторым, как ни странно, было проще. Вот только как посмотрят на меня окружающие, если я начну избавляться от многочисленных статуэток, шкатулок и прочих ценных мелочей? И кому их сбывать в этой глуши?

Деревенский дом, в который я вселился, перестал быть похожим на себя уже через несколько дней. А я-то все думал, чего мне в обоз напихали? Почему он такой огромный? Оказывается, вместе со мной путешествовала куча «полезных» вещей. Серебряный кувшин, например. Не из ведра же поливать сыну герцога на руки, когда он умывается! Ну и предметы быта, включая ковры, ткани и даже мебель. Про несколько смен одежды я даже упоминать не хочу. Там с легкой руки матушки одних камзолов штук тридцать было.

Да что говорить? Даже мой походный шатер (доставшийся в наследство от отца) – и тот был похож на произведение искусства. Если бы не приближающаяся зима, я бы так и остался там жить. Курляндия, конечно, не Сибирь, и даже не средняя полоса России, но холода здесь случались чувствительные. Поэтому я старался как можно быстрее завершить самые важные дела – обнести забором мастерские и обеспечить теплым жильем всех своих подопечных. И я не только пацанов имею в виду.

Штат людей, отправившихся вместе со мной, получился приличным. Полтора десятка слуг (не считая Отто): две белошвейки, два кучера, конюший, казначей с помощником, повар с парой поварят, парикмахер, обзываемый куафером, и четверо лакеев (прачек и поломоек было решено нанять на месте), охрана из личной гвардии отца в полтора десятка храбрых солдат, Гюйгенс и шестеро учителей (тоже со своими слугами). Некоторым придется преподавать аж по две дисциплины.

После долгого и нудного разговора с родителями мне удалось отказаться только от изящных манер и танцев, под честное слово, что я буду заниматься самостоятельно. Иностранные языки остались, как и дипломатический этикет. А еще военная стратегия и тактика, литература, философия, математика, основы переписки (деловой, личной, тайнопись) и даже музыка. Я рассчитывал обойтись гитарой, которую наконец-то мне привезли из Испании, но матушка нагрузила еще и клавесином. Как его доперли по местному бездорожью – бог весть.

Со мной приехала даже коллекция солдатиков, правда, незнакомая. Видимо, специально сделанная для путешествий, поскольку фигурки были меньше размером и не так тщательно сделаны. А еще к пехоте, коннице и артиллерии прибавились копии кораблей. Мне собирались преподавать историю не только сухопутных, но и морских сражений.

Не были забыты и уроки физического воспитания. Я продолжил обучаться фехтованию, верховой езде и стрельбе из различных типов оружия. Полное извращение с точки зрения

современного человека! Раз за разом сталкиваясь с тяжелым, неудобным огнестрелом, я поневоле начал вспоминать все, что знаю о нарезных стволах, пулях Минье, и возмечтал о простеньком пулемете. И даже подкатил к Гюйгенсу с вопросом, не работал ли он когда-нибудь по оружейной тематике. Однако тот моих милитаристских увлечений не разделял. Составляя наполеоновские планы, я как-то не подумал о том, что человеку может быть тупо неинтересно изобретать прогрессивный огнестрел.

Нет, ну а кому бы такое в голову пришло? Мне казалось, что все мужчины интересуются оружием. И рады подержать его в руках. А вот Гюйгенс оказался исключением. Какой спутник вокруг Сатурна вертится – ему интересно, а оружие – нет. Знаменитый ученый даже высказал мысль, что вскоре прогрессивные люди поймут ценность научных исследований, и войны закончатся сами собой, поскольку это безобразие просто не достойно человека с высокоорганизованным интеллектом и любовью к порядку.

Я только головой покачал. Уж мне-то было известно, что ближайшие триста пятьдесят лет человечество так и не построит мир во всем мире. А если ориентироваться на те события, которые происходили по всей планете до того момента, как я попал в прошлое, то перспектива вообще не лучшая. Люди были на пороге того, чтобы капитально себя истребить. Но разве расскажешь это Гюйгенсу?

Единственное, что я мог сделать – возразить, что наступление благословенного времени всеобщего мира лучше ожидать хорошо вооруженным. Потому как те же шведы могут оказаться вовсе не высокоинтеллектуальными пацифистами, а обычными грабителями. А от подобных личностей следует защищаться по мере сил. И лучше всего – делать это совершенным оружием, поскольку противник явно превосходит численностью и умением воевать.

Впрочем, вскоре мне самому стало не до изобретений. Попытка организовать жизненное пространство наткнулась на некоторое неодобрение местных жителей. Я с ходу не слишком разобрался, как у них тут все устроено, и влез, как слон в посудную лавку. Жители Каркле не обрадовались тому, что их мастерские собираются огородить, поскольку считали, что это отпугнет заказчиков и торговцев. В общем-то, я мог бы и не обращать на это внимания. Тупо приказать, и все. Но зачем мне конфликт на ровном месте? Тем более что открыто недовольства никто не выражал, и я бы не узнал о нем, если бы мне не донесли. Для меня предпочтительнее иметь дело с лояльным населением. Оно намного полезнее.

Как я уже говорил, после шведского визита осталось много пустующих домов. По закону, оставшееся без наследников имущество отходило в казну. Что хорошо в деревне – все знали, кто есть кто и кто кому какой родней приходится, так что разобралось быстро. Вот и хорошо. У меня на это имущество были далеко идущие планы.

Мастерские пострадали даже больше, чем дома. Шведы мало того что унесли все, что смогли, так еще и активно искали запрятанные деньги. В общем-то, мастера действительно жили лучше, чем крестьяне, но Каркле не производило впечатление богатого места. Не думаю, что нападавшие здесь здорово поживились. Только урон нанесли. И единственный положительный момент, который был в этой ситуации, – я без проблем нашел несколько пустых помещений, стоящих недалеко друг от друга. Вот их-то мы и решили огородить. Еще две мастерские пришлось снести, а кустарник мы вырубали, чтобы пространство хорошо просматривалось.

Пока я разбирался с имуществом и думал, как обеспечить мастерским безопасность, до нас наконец добрался Глаубер. Это случилось где-то за месяц до Рождества, которое

лютеране, как и католики, отмечали 25 декабря. Несмотря на то что предшествовавший этому событию четырехнедельный пост только начался, я уже ждал праздника с нетерпением. Хотелось, наконец, снова нормально поесть. Я уже не знал, на что отвлечься, а тут такое событие! Прибытие известного ученого на... Блин, даже не знаю, как правильно обозвать этот вид транспорта. Наверное, возок.

Небольшое, почти квадратное сооружение без особых изысков, с небольшими окошками и покатой крышей, установленное на широкие полозья, выглядело довольно надежно. Крепкие лошадки радовали глаз повышенной лохматостью, а кучер походил на вилочку капусты. Морозец был градусов пятнадцать, не больше, так что мне стало очень любопытно, как он нарядился бы в минус тридцать. Или в такую погоду уже никто не путешествует? Да вряд ли. Тогда в той же России на всю зиму активная жизнь замереть должна. Как-то нереально.

Повозок было две, причем нагруженных по самую крышу, поскольку Глаубер привез с собой не только помощника по имени Гейнц, но и все необходимое для организации лаборатории^[1]. И фанатиком он оказался тем еще. Если бы не приставленный лакей, забывал бы и про еду, и про сон, что было совершенно недопустимо. Глаубер и без того выглядел так, что краше в гроб кладут – худой, с провалившимися глазами и изжелта-серой кожей. Ну а чему удивляться? Он сам изобретал, сам испытывал и сам дышал всякой гадостью. Все-таки ученые – ненормальные люди.

Пока Глаубер обустроивался, я порасспросил его помощника. И тот рассказал такие истории, от которых просто кровь стыла в жилах. Талантливый ученый здорово угробил свое здоровье. Его организм насквозь отравлен всяческими химикатами, и я даже не представляю, можно ли с этим что-то сделать. Если только запретить травиться дальше. Как я понял, все ученики мастера разбежались, как только он начал болеть. Остался только Гейнц, самый амбициозный, желающий овладеть тайными рецептами и хитрыми секретами. Жаль его разочаровывать, но ко всему вышперечисленному нужно еще и талант иметь.

Под лабораторию Глаубера изначально мною был определен крепкий каменный дом, где работали с порохом. Однако, прибыв на место, я нашел более интересный вариант. Здание, где жила семья стеклодувов. После войны в живых остались только его вдова и двое детей. И теперь женщина хотела продать помещение и уехать к родне. Идеальный вариант! Внутри полутораэтажного каменного дома стояло аж две печи, так что он идеально подходил для моих целей. Да и для Глаубера печи были предметом первой необходимости. Он наверняка потом создаст вариант под себя, по своим рисункам, но для начала и это было неплохо.

Глауберу, кстати, и сам дом, и печи понравились. И он начал активно обживать помещение. Я с любопытством рассматривал различные приспособления, встававшие по своим местам, и сравнивал с знакомыми по прошлой жизни кабинетами химии. Небо и земля. А ведь Глаубер действительно был крупным, талантливым ученым, а не аферистом, пускающим пыль в глаза. Такие, как он, заставляли науку идти вперед семимильными шагами.

На одной из кирпичных печей появилась большая стеклянная реторта, которая представляла собой шарообразный сосуд с длинным, отогнутым вниз отводом – с виду она походила на перевернутую курительную трубку. На полках во множестве расположились склянки с различными минеральными веществами, бальзамами, маслами и лекарственными травами. Соли, кислоты и жидкости, получаемые при перегонке, Глаубер переливал в большие бутылки и хранил в сундуках, а то и просто в мешках. Однако я приказал перенести

все это богатство в отдельный чулан с крепкой дверью. Благо в доме такое помещение было.

Я читал надписи на различных емкостях и мысленно потирал руки. «Спиртус салис», «спиртус волятилис витриоли», «олеум алюминис», «саль аммиак», «саль тартари»... Есть где развернуться! Ученый, получивший азотную кислоту, уксусную кислоту, не говоря уж о соли, названной его именем! И все это самостоятельно обучаясь, чуть ли не с нуля! Надо ли говорить, что я приобрел у него пятитомник «Новые философские печи, или Описание впервые открытого искусства перегонки» с автографом?

На очень-очень далекую перспективу я подумывал о создании музея. Но экспонаты для него уже начал потихоньку собирать. И моя переписка со знаменитыми учеными этого времени была первой в коллекции. Когда-нибудь всем этим вещам просто не будет цены, а пока пусть считают это моей маленькой причудой. Должны же быть у наследника какие-то увлечения! А раз я разлюбил охоту и не собираюсь в будущем строить Версали, то могу позволить себе создать небольшой музей.

Лабораторию Глаубера, кстати, неплохо было бы сохранить для потомков. А вот для современников пригодилось бы сделать в помещении вентиляцию. Вопрос только – как? В XVII веке кроме элементарного проветривания пока что ничего не придумали. Создать вентилятор? Примерную форму лопастей и угол наклона я себе представляю, но именно что примерно. А там еще толщина меняется и изогнутость имеется. Ну и, что не менее важно, конструкцию еще нужно заставить работать.

Нет уж, если и начинать изобретательскую деятельность, то с оружия. Хотя бы с пушек, поскольку вариант XVII века меня совершенно не устраивал. Выстрелы ядрами, на мой взгляд, были малоэффективны, картечь не нравилась дальностью полета и неудобством заряжения, так что была у меня мечта повторить изобретение шрапнели. Полая сфера (вспомнить бы, из чего ее делали), пули, заряд пороха и деревянная запальная трубка. Мда. Если уж ударяться в плагиаторство, то по полной программе. Ну... зато я песен Высоцкого не пою.

Ладно-ладно, сам понимаю, что слишком многого хочу. Шрапнель я вряд ли осилю. Но с картечью тоже можно поработать. И с самими пушками тоже. Да и их количество неплохо было бы увеличить. Тут народ на войну пока что строем ходит. Так что плотный огонь может оказаться как нельзя кстати. И командующий состав противника пока что целенаправленно выбивать не принято. Правда, для этих целей нужно нормальное оружие, которое хотя бы быстро перезаряжается и далеко бьет, а над этим еще работать и работать.

Первым делом меня интересовало, можно ли изобрести унитарный патрон прямо сейчас. Одними пушками не спасешься. Читал я, помнится, про некоего Жана Самуэля Паули, который разродился данной идеей примерно во времена Отечественной войны против Наполеона. Даже казнозарядное ружье под данный патрон создал. Подумаешь, всего каких-то 150 лет. Неужели нельзя опередить время? Конструкция-то была нехитрая – патрон состоял из картонного цилиндра с наполнением из инициатора воспламенения – бертолетовой соли, дымного пороха и круглой пули. Идея сыровата, но надо с чего-то начинать!

Вот только бертолетовой соли еще и в помине нет. И до рождения ее создателя – чуть ли не сотня лет. Но не думаю, что для Глаубера это станет серьезной проблемой. Почему в истории есть только одна соль его имени? Дайте две! Неужели знаменитый химик хлор не изобретет? С серной кислотой он работал, а дальше цепочка простая: хлороводород, потом хлор, ну а затем хлорат калия (не быть ему бертолетовой солью). Дальше все, правда, станет

еще сложнее – придется изобретать само казнозарядное ружье, которое я видел только в музеях, а о его устройстве имею настолько поверхностное представление, что его можно вообще не брать в расчет.

В общем-то, можно немного поэкспериментировать, время есть. И среди моего личного оружия встречаются неплохие (видимо, подарочные и явно сделанные в единственном экземпляре) образцы. Однако не успел я рыпнуться в эту сторону, как был озадачен бумагами и вопросом распределения финансов. И понял, что на изобретение оружия выделенный мне бюджет рассчитан не был. Его в упор хватало только на выплату жалованья, закупку продовольствия и небольшие личные траты.

Именно этот вывод заставил меня оторваться от абстрактных мечтаний и начать думать, где достать денег. Много денег. Об очевидном решении – запросить у родителей – даже речи не шло. Понятно же, что это очередное испытание. И как, спрашивается, я буду доказывать свою способность жить самостоятельно и самому принимать решения, если даже с такой проблемой справиться не могу? У меня, к счастью, было аж несколько идей, как можно разбогатеть. Именно для их воплощения мне и понадобился Глаубер. Теперь, когда он приехал, можно обсудить с ним, в каком направлении лучше двигаться.

Однако Глаубер начал свою деятельность не с изобретений, а со стекла. Как это часто бывает в дороге, часть его колб и реторт раскололась, и требовалось их восстановить. Что самое забавное, в свое время ученый занялся самостоятельным изготовлением стеклянных изделий просто потому, что ему надоело за них платить втридорога. Продавцы знали, что Глаубер – человек не бедный, и ломили цены. Ученому пришлось решать эту проблему, и оказалось, что для гения нет ничего невозможного.

Я вообще-то дал себе твердое обещание не лезть в лабораторию, пока там опыты проводятся. И Глаубера оттуда почаще на свежий воздух вытаскивать. Есть у него ученик? Вот пусть и учится. А творческие мозги нужно беречь. Я еще в своей прошлой жизни посмотрелся, как на людей влияет работа на вредном производстве. Моя тетка даже до шестидесяти не дотянула. А ведь в советские времена в 70-х, 80-х (на которые в основном, и пришлась ее карьера) к технике безопасности относились куда как требовательнее. И средства защиты были. Что говорить о XVII веке, где ничего подобного не было и в помине?

Однако я знал, что мое любопытство будет меня грызть, а потому организовал себе наблюдательный пункт у окна. Единственного окна, я хочу заметить. Все остальные Глаубер приказал закрыть плотными шторами, так как бóльшую часть из используемых им веществ лучше было хранить в сумраке и в холоде. Во время отдыха между тренировок (они и зимой не прекращались) можно было понаблюдать за действиями ученого. И не один я был такой интересующийся. Только остальных близко не подпускали. Мало того что все мастерские обнесли забором, который охранялся, так и к лабораториям Гюйгенса с Глаубером дополнительную охрану поставили из моих пацанов.

Излишне любопытных личностей эта самая охрана вылавливала периодически. И каждый раз приходилось выяснять – человек сам по себе слишком любопытный, или ему заплатили за этот интерес. К счастью, на первоначальном этапе мы ничем секретным не занимались, только вопросами обустройства. А потом интерес местных поутих, к нам немного привыкли, и количество желающих заглянуть за забор снизилось. Но мы не расслаблялись.

Паранойя, да. Но я не собирался от нее избавляться. Деревушка Каркле оказалась прекрасной платформой, чтобы потренировать навыки и разведки, и погранично-

таможенной службы, и даже проверить, насколько правильно были усвоены теоретические знания по военному делу. Мы осваивали и построение укреплений, и их штурм. Было бы лето, нас бы еще и подкоп заставили сделать, а то и взрывчатку под стену подложить. Учителя, нужно отдать им должное, ответственно относились к преподаванию.

В общем-то, все это было весело и познавательно. Мою жизнь отравляли только треклятые бумажки, сопровождавшие каждый мой чих. Когда я подсчитал, во что мне обойдется сидение в этом медвежьем углу, то чуть не прослезился. Финансы заунывно выли погребальные саги над моими идеями по изобретению оружия и улучшению экипировки мальчишек. И это если учесть, что недавно нас навестил местный староста, который зазывал в город на рождественский бал и произвел приличное денежное вливание. Типа подарок. Ох, чувствую, рыльце у него в пуху по самый хвост. Ничего, до старосты мы еще доберемся. Не все сразу.

Сейчас меня больше интересовала возможность заработать денег. Причем не когда-то в будущем, а «прямым путем». И единственное, что сразу приходило в голову – это создание зеркал. Раз уж Глаубер все равно со стеклом возится, грех этим не воспользоваться. Пусть я и не специалист, но как и у любого человека, живущего в насыщенном информацией пространстве, кое-какие знания в голове есть. И почему бы не воспользоваться некоторыми хитростями, которые откроют всего лишь через несколько лет. Взять хотя бы тот нюанс, что зеркала можно получать не выдуванием, а литьем.

Глаубер не отказался попробовать. Зрелище было завораживающим. Я стоял на довольно приличном расстоянии от печи, но жар все равно ощущался. Странно, что Глаубер, к своим прочим болячкам, еще и зрение не потерял. Смотреть на огонь в печи без защитных очков было довольно опасно. Температура плавления стекла все-таки высока. Кстати, насчет очков надо себе в памяти зарубку сделать. С цветным стеклом Глаубер точно работал, а уж сделать для темных стекол оправу и дужки не должно составить большого труда.

Хорошо все-таки быть сыном герцога! Чем дальше я находился в шкуре Фридриха, тем больше ценил полученные преимущества. Не знаю, что случилось со мной в моем родном мире, но я получил новую жизнь. Причем очень интересную. И сейчас присутствовал при настоящем научном волшебстве. В сосуд через трубку Глаубер влил расплавленное олово, которое растеклось ровным слоем по поверхности стекла. Гейнц разрезал вдоль ещё горячий цилиндр из стекла, раскатал его половинки на медной столешнице, и вскоре мы любовались результатом нашего труда. И пусть я только рядом стоял, но чувствовал свою причастность к событию.

Правда, на отработку технологии серебрения ушло почти три недели. Меня результат устроил гораздо раньше, но Глаубер не привык халтурить. Кстати, счастливым обладателем первого (довольно маленького) зеркала стал Гюйгенс, который долго восторгался его качеством. Ну, я и сделал человеку подарок. Глядишь, это подтолкнет его старательность и привяжет покрепче. На данном этапе его захватила идея карманных часов, так что поощрение не помешает. Мы с Гюйгенсом заранее заключили контракт, по которому производство этих изделий будет осуществляться только в Курляндии, а ученый станет получать патентные отчисления.

С Глаубером я тоже заключил подобный договор. Причем не один. На ученого у меня были большие планы. Разумеется, разбрасываться не стоило, так что пока я сделал упор на изготовлении зеркал. Мне захотелось попробовать создать не какую-то мелочь, а нечто глобальное. И первым делом, конечно же, порадовать родителей. Сделать для каждого

зеркало в полный рост. Для отца прямоугольное, а для матери круглое. Рамы им пусть в Гробине создают, там специалисты лучше.

Полагаю, они оба оценят такой подарок. Просто каждый по-своему. Матушка одобрит как очень дорогую вещь, в которой можно полностью себя увидеть, (ну и перед остальными женщинами похвастаться), а Якоб рассмотрит перспективу. И посчитает, сколько на этом можно заработать. Готов поставить все свои деньги, что уже в следующем году в Курляндии появится зеркальная мануфактура. И я буду не я, если не выторгую себе хотя бы процентов пятьдесят от прибыли. Остальное герцог, без сомнения, заберет в казну. И у меня даже не повернется язык с этим спорить – знаю, что все деньги пойдут на благо Курляндии.

Разумеется, со временем, когда мы начнем выпускать зеркала массово (и не одни мы, кстати, скоро и остальные подтянутся), цена на этот товар снизится, но мы успеем снять сливки. А если сохраним секрет серебрения, то конкурентов у нас еще долго не появится. И потом, если правильно раскрутить марку, она будет популярной столетиями. Как говорится, сначала ты работаешь на имя, а потом имя на тебя. Фарфор в XXI веке где только не производят, а мейсенский по-прежнему остается одним из самых дорогих. Я тоже могу пойти этим путем. А что? Назвать изделие в честь деревушки, где его изобрели – каркленское зеркало, и в качестве эмблемы ставить символ, который я для себя позаимствовал – щит и меч.

Ну а пока зеркала добираются до Гробина (надеюсь, доvezут в целости и сохранности, упаковали мы их на совесть), я попытаюсь наладить хотя бы мелкое производство. В деревне полно подростков, которые являются вторыми, третьими, а то и десятками сыновьями мастеров. И понятно, что от отцовского бизнеса им ничего не останется. Так почему их не нанять? Тем более что они будут выполнять чисто механическую работу, никто не собирается доверять им важных секретов.

Проблем, конечно, из-за этого возникнет немало. Нужно будет хорошенько подумать, как обеспечить секретность. Придется выделить отдельное помещение и заранее предупредить, что покинуть Каркле они в ближайшее время не смогут (а может, и вообще никогда не смогут), но вряд ли это станет проблемой. Мурано тому свидетель. Кого не устроит такое положение дел – сразу откажется. А остальные поклянутся на Библии хранить тайну. Понимаю, что это не панацея, но если подстраховаться, то риск можно снизить. Пока нанятые работники будут заниматься элементарными операциями, присмотреться к ним получше. Ну а там уже можно решать, кому доверить более важные секреты.

Рецепт серебрения будут знать только двое – я и Глаубер. Но тут ведь главное – сама идея. И если ее сольют на сторону, то конкуренты сами подберут состав. Пусть и не такой эффективный. Ну и моим мальчишкам будет простор для тренировки. Посмотрим, кто из них проявит талант в контрразведке. Они уже сейчас получают периодические вознаграждения за то, что добывают сведения о местных. Кто чем дышит и о чем думает.

Трое самых талантливых даже направились разузнать о старосте как можно больше. Поживут в городе, поспрашивают народ и обрисуют мне картину. А там уж будем думать, что с ним делать. Если староста окажется человеком дельным, можно будет закрыть глаза на некоторые его махинации. А если толку от него нет, будем с его помощью учиться ловить взяточников и казнокрадов. Что-то мне подсказывает, что такое умение лишним не будет. Ни сейчас, ни через три сотни лет.

Собственно, рождественский бал, приглашение на который я принял, рассматривался мною как возможность поближе познакомиться и со старостой, и с лучшими людьми города.

А заодно пропиарить свою новую продукцию – подарить хозяевам небольшое зеркальце в раме (какую местные умельцы осияют) и рассказать, где можно купить эксклюзивный товар по очень высокой цене. Если не для себя, то на продажу. И готов поспорить, что скоро мои финансовые дела серьезно улучшатся.

Между прочим, я читал, что Анна Австрийская как-то появилась на балу в платье, усыпанном кусочками зеркала. При свете свечей выглядело это сногшибательно. Почему бы не подать матушке такую идею? В результате многочисленных экспериментов у нас образовалось множество мелких зеркальных кусочков. Вот пусть они и будут дополнительным подарком. Если Анна Австрийская уже успела покрасоваться в своем платье, то герцогиня покажет, что не отстает от самых модных европейских тенденций. А если нет – так и вовсе будет впереди планеты всей. Матушка наверняка прослышет законодательницей мод, а молва об ее наряде разлетится по всему миру – недостатка в послах различных держав Курляндия не испытывала.

Ну, чем больше слухов, тем больше заказчиков. А дополнительные покупатели – это дополнительные деньги. Разработка нового оружия – дело долгое и дорогое. А я сделал ставку именно на него, поскольку большую армию Курляндия не потянет, а необходимое количество наемников можно и не успеть собрать к нужному времени. Плотный огонь из надежного укрытия – это наш единственный шанс против шведского нападения. А уж о важности хранения секретов производства Глауберу не нужно рассказывать. Он и сам осторожен. Все свои рецепты шифрует, а некоторые и вовсе держит в голове.

А вот из моей дырявой головы кое-что вылетело. Я как-то упустил из вида, что стекло из ниоткуда не берется. У Глаубера, конечно, есть кое-какие запасы на его изготовление, но для личных нужд, а никак не для производства. И пополнить запасы особо неоткуда. Несмотря на то что в доме раньше жили производители стекла, никаких полезных заготовок мы не нашли. Похоже, все то, что не захватили шведы, вынесли местные. Ну а чего добру пропадать? Жаль, жаль. Декабрь – не самый лучший месяц для добычи кварца или хотя бы морского песка, из которого можно было бы сотворить нужный вариант путем просеивания, очистки от разных примесей и промывания.

В результате вместе с зеркалами к родителям отправилось длинное послание, в котором я просил прислать как можно больше стекла. В конце концов, его можно переплавить, а цена у зеркал куда как выше, чем у исходного материала. В любом случае вряд ли сразу набегит толпа покупателей. Не каждый может себе позволить подобную вещь. Так что медлить не надо, но и торопиться не стоит. Поспешись, как говорится, и тебе же хуже будет.

Ох, все-таки серьезно влияет на меня мой детский организм! Никакой усидчивости, дикое желание похвастаться, заслужить похвалу и получить все и сразу. Возня с документами и цифрами быстро надоедает, и мне приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы заставить себя работать. Хочется скакать верхом вместе с ребятами, или прокатиться в санях, или поторчать в мастерской. Все равно чьей – одинаково интересно было наблюдать и за Гюйгенсом, и за Глаубером.

Отто, не спускавший с меня глаз, несколько раз принимался стонать, что я себя загоняю. Ну как же! Сначала уроки в помещении (четыре штуки в день, по часу каждый, с перерывами), а затем на свежем воздухе. И если, допустим, дипломатия и философия получались по два-три раза в неделю, то фехтование осталось ежедневным, как и мои силовые упражнения. Я продолжал подтягиваться, отжиматься, качать пресс и бить мешок с зерном. Дикую энергию нужно было куда-то девать, а преподаватель присматривал, чтобы я

не перестарался.

– Ни к чему загонять себя, – ворчал Отто. – И куда торопиться? Возраст у вас небольшой. Успеете еще и выучить все, и потренироваться.

– Разве лучше бездельничать?

– Сладу с вами нет. То играли, не желая в учебу вникать, а теперь и вовсе отдохнуть не заставишь.

– Вот потому, что я раньше ленился, мне и приходится много работать, – объяснил я. – Нужно нагнать все то, что я пропустил. А отдыхать... на тренировках с ребятами отдыхаю. Активно.

– Куда это годится? – бурчал Отто. – Словно и не сын герцога, а босяк какой. Одежда простая, слуг мало, целыми днями в делах, даже еда самая обычная.

– Полевые кухни проверяю, – отмахнулся я. – И не ворчи. Мало ли что может в жизни случиться. Думал ли мой отец, что угодит в плен вместе с семьей? Лучше быть готовым к разным неожиданностям.

Не сказать, что мой ответ сильно успокоил Отто, но на какое-то время он отстал. Видимо, понял, что его увещевания на меня не действуют. И я продолжаю вести активный образ жизни. Ну, что тут сказать? Мой день действительно был расписан чуть ли не по минутам. С самого утра нужно было идти в церковь. После завтрака приходил первый учитель. К часу заканчивались уроки в помещении, потом был легкий обед, полуденный отдых и часа полтора-два на физические занятия. Так что на то, чтобы побывать в мастерских, оставалось максимум часа два. Это если документов не накапливалось. А они, как я уже жаловался, размножались в геометрической прогрессии.

Собственно, это тоже были уроки. Казначей проверял мои расчеты, преподаватель по деловому этикету обязан был читать мои официальные письма, а приставленные охранники не только пеклись о моей безопасности, но и приглядывали, чем мы с мальчишками занимаемся и правильно ли тренируемся. С одной стороны, я понимал, что подобное внимание – вполне нормально, если учесть мой возраст и социальное положение. А с другой – хотелось свободы! Больше самостоятельности и независимости.

Именно поэтому изготовление зеркал вызвало у меня такой восторг. Это моя первая реализованная задумка! Я мог доказать, что способен приносить пользу герцогству, и что ко мне стоит относиться серьезнее. Понимаю, что одних только зеркал для этого мало. Нужно зарекомендовать себя как ответственного человека, вникающего в тонкости дел и справляющегося с трудностями. Разумеется, будут ошибки. У кого их не бывает? Главное, не теряться и своевременно решать возникшие проблемы.

Ну и брать пример в плане упорного труда с окружающих. Здесь к делу относились серьезно. Что мастера, что ученые, которым приходилось напоминать о необходимости питания и сна. Гюйгенс загорелся втиснуть часовой механизм в самый маленький объем, который только возможен, а Глаубер продолжал биться над зеркалами. Он пробовал обрабатывать поверхность различными способами и экспериментировал с составом стекла. Даже золото и бронзу в отражающие составы добавлял, что дало потрясающий эффект – предметы и лица выглядели красивее, чем в действительности.

Мне, разумеется, не терпелось приступить к изготовлению и других интересных вещей, но я заставил себя успокоиться. Не стоит светить сразу все козыри. Попробуем хотя бы что-нибудь одно нормально сделать. Потренируемся на зеркалах. Для начала необходимо оборудовать мастерские, где будут лить стекло, обрабатывать зеркальную поверхность,

хранить исходный материал и готовую продукцию, затем сложить в них специальные печи и наладить бесперебойные поставки нужных материалов. Пригласить умелых столяров и ювелиров, которые будут делать рамы, тоже будет не лишним. Отработка процесса упаковки, налаживание контактов с торговцами, организация надежного места, где можно будет хранить деньги... дел выше крыши.

В свое время я сталкивался с закрытыми городами, так что понимал, что мой забор и охрана – это не решение проблемы. И не стоит уговаривать себя, что это временно. Нужно уже сейчас думать, как организовать территорию, на которую будет запрещен допуск посторонних. Я даже прикинул примерный план, но денег он требовал... одно расстройство. Радовало, что не всех мастеров нужно держать за забором. Изготовление стекла и рам особого секрета не представляло.

Мало ли тех, кто потерял кров или хочет сменить место жительства? Я готов был отдать пустующие помещения в аренду с правом выкупа (причем установить минимальные платежи) с условием, что мастера в первую очередь будут выполнять мои заказы в нужном количестве и требуемого качества. И расплачиваться за аренду, кстати, они могут работой.

Зеркала точно будут иметь успех. Мало того, что это дорогой, штучный товар, так Глаубер их еще и сделал необычайного качества. Произведение искусства, а не предмет быта! Он был так увлечен, что я еле добился от него сделать четыре кусочка темного стекла нужной мне формы. Идея защитных очков меня не отпускала. Осталось только купить проволоки (ее тут вручную тянут!) и попробовать сделать оправу с дужками.

Складываться эти самые дужки, конечно, не станут, и переносице будет не слишком удобно, но это опытный вариант. И лучше сделать самому, чем долго кому-то объяснять – что, зачем и почему. Да и оценить девайс можно будет только попробовав. Как бы еще защитить Глаубера от дальнейшего отравления химикатами? Прямо хоть респиратор изобретай, в самом деле! Сомневаюсь только, что мне такой подвиг по плечу. Для начала нужно убедить ученого хотя бы в пользе защитных очков. Я специально сделал их две пары – себе и ему, чтобы подать пример.

Как отреагировал Глаубер? Как и полагается ученому-практику. Он эти очки усовершенствовал. И форму стекол подобрал более удачную, и степень затемненности отрегулировал, и даже длину дужек увеличил – чтобы очки не спадали при наклоне и резких движениях. Ну и конечно, проволока была прочно забыта – я как-то не подумал, что она нагреваться будет, что не слишком удобно. Словом, получился просто шедевр. И я не удивлюсь, если девайсу присвоят имя ученого. Глаубер уже написал несколько писем своим братьям по ремеслу. Причем, что самое интересное, давал только самые общие советы и предлагал приобрести уже готовый вариант. Производственные секреты ученый хранил как зеницу ока.

Мда, как-то криво у меня получается с изобретательством. И восхищаться моей гениальностью почему-то никто не торопится. Признают, что я интересный, неглупый молодой человек, но и только. Хотя... что я ждал от переписки с великими учеными, которые сами начинали интересоваться знаниями чуть ли не с младенчества? Да и выдвижение идей, какими бы интересными они ни были – это всего лишь слова. А вот дать этим словам жизнь – совсем другое дело. И пока что я ничем не мог похвастаться в этом плане.

А известности хотелось. Наверное, это было потакание собственному детскому организму, но я действительно желал, чтобы меня заметили. И даже оправдание себе

подходящее нашел – к известному человеку проще заманить знаменитых ученых и других интересных личностей. Ну а поскольку с наукой пока что дело двигалось туго, я решил надавить на литературу. Раз уж XVII век – это век мемуаров, будет непростительным упущением этим не воспользоваться.

Сначала я хотел ограбить Дефо. Робинзон Крузо знаком каждому, кто читал книги из серии «Библиотека фантастики и приключений». А потом я подумал, что неплохо было бы определиться – а чего я, собственно, хочу получить в итоге. Ну, кроме признания читающей публики. В идеале – пропиарить Курляндию, как место, где хочется жить. Последняя война унесла множество жизней. А те специалисты, которые избежали гибели, покинули страну.

Население нашего небольшого герцогства никогда особо не впечатляло, но сейчас оно стало совсем уж маленьким. Нам срочно нужно привлекать людей. Особенно если мы хотим удержать колонии. А что может быть лучше, чем слава справедливой к своим согражданам державы? А в этом плане Дефо мне совершенно не подходил. Жюль Верн, про которого я вспомнил вторым номером – тоже. Слишком уж он был прогрессивен даже для своего времени. А на дворе, если что, XVII век.

И что оставалось? Дюма! Кто не проникся симпатиями к прекрасной Франции после «Трех мушкетеров» или «Графини де Монсоро»? Можно взять сюжет, переработать его под Курляндию и напустить немного мистического дыма. А еще лучше – найти в герцогстве таинственное место или здание, к которому привязать легенду. Дескать, когда Луна будет Раком в Козероге, встань в тень у третьего столба, и откроется тебе истина. Ну, понятно, что я имею в виду? Не одним же англам стричь купоны со своего Стоунхенджа.

Что обычно привлекает искателей тайн? Знания и золото. Сокровища тамплиеров, большая часть которых ускользнула из рук алчного французского короля, разгромившего орден (и папы, который все это безобразия поддержал), много веков будоражит умы авантюристов. А у Курляндии был свой орден – Ливонский. Правда, он еще сто лет назад был разгромлен Иоанном свет Васильевичем, но это мелочи жизни. Да, Готхард Кетлер принял титул герцога Курляндии. Но это же не значит, что все остальные согласились с гибелью ордена?

В крайнем случае можно выдумать суперзасекреченную организацию. И понеслась душа в рай – высшие знания, великие богатства и прочие гигантские плюшки, доступные лишь посвященным. Должна же быть хоть какая-то польза от того бреда, который лился с экрана телевизоров, гулял по сайтам и поневоле осел в моей голове! Мировое правительство, затонувшая Атлантида, да хоть затерянный мир Конан-Дойля! Граф Монте-Кристо просто идеально вписывается во все эти расклады.

А что? Засадить героя в одну тюрьму с бывшим магистром, которого выкрали, чтобы тот поделился своими знаниями. Ну а затем последует побег, нахождение одного из кладов тайной организации, месть врагам и приоткрытие некоторых тайн ордена. Придумать тайный язык, условные знаки и обосновать, почему именно Курляндия стала центром событий. Да, и не забыть использовать голливудский опыт – обязательно организовать в герцогстве тематический парк. Показывать желающим место, где Д`Артаньян (или как его там будут звать) впервые въехал в Митаву, где Монте-Кристо нашел великие сокровища, и где члены ордена проводили тайные обряды.

Словом, идея была неплохая, а владеть словом в этом мире меня учили специально. Я, уже почти не напрягаясь, умел витиевато выражать свои мысли, своевременно вставлять цитаты из Библии и к месту упоминать различных античных богов и героев. У меня даже

начал складываться свой стиль! Ну и почему не попробовать себя в новом качестве? Дополнительное время данное увлечение не займет – я буду писать прямо на уроке.

Ну а чем не тренировка? Сразу несколько видов переписки тренирую, как и умение грамотно выражать свои мысли. Мой препод, кстати, даже увлекся идеей написать роман и дал мне несколько дельных советов. Понятно, он не рассчитывал, что у меня получится что-нибудь действительно стоящее. Но учитель считал нужным поощрить мой полезный порыв и резонно рассудил, что хуже от этого не будет. Просто вместо того, чтобы с неохотой писать скучные фразы, я буду с энтузиазмом создавать собственную книгу.

Дело продвигалось не так быстро, как мне хотелось бы, но до Рождества я успел составить план произведения и даже написать первую главу. Не могу оценить, что у меня там получилось (да и рано еще, наверное), но учитель остался доволен. Ну вот и славно. После праздника продолжим. А пока меня ждало длинное, нудное, но обязательное действо. Я, как наследник герцога, практически выступал от его лица, и потому должен был вести себя соответствующе.

На ночь глядя мы отправились в церковь, где я благополучно продремал всю службу. Затем начались немудреные развлечения – гонки на санях, поздравление местных жителей и снежные забавы. К нам присоединялось все больше и больше народа, и гулянье стало поистине массовым. Думается мне, здесь староста подсуетился. Как я выяснил, он мужик крепкий, основательный и очень хитрый. Под его началом находилось несколько деревень и собственно город.

Получив мое согласие прибыть к нему на рождественский бал, господин Майерс развил бурную деятельность. Носился как наскипидаренный. Организовывал лучшие украшения, изысканные яства, достойную музыку и рафинированную публику. Пригласил даже вдовствующую пани Родылевскую, которая приехала в соседний город по своим делам.

Бал XVII века был строго регламентирован, как и любое другое общественное развлечение. И по правилам его полагалось открывать паваной. В любом другом случае первой парой шли бы хозяева бала. Но поскольку я превосходил их по социальному положению, ведущая роль автоматически доставалась мне. И понятно, что для этого дела требовалась достойная партнерша. Вот староста и подсуетился, пригласив вдову. Поляки они такие – шляхтичи чуть ли не через одного. И у каждого, если им верить, благородная кровь и целая вереница достойных предков.

Да, да, конечно. Я, может, и поверил бы, если бы не знал, что как минимум половина этих выскочек не имеет никаких документальных доказательств своего высокого происхождения. Впрочем... Какое мне дело? Майерс нашел мне достойную партнершу на бал? Вот и прекрасно. Я же не жениться на ней собираюсь, а всего лишь танцевать. А для этого дела родословная совершенно без надобности. Это для супружеской жизни мне придется выбирать невесту, которая принесет с собой приданое, полезное для Курляндии. И глупые проблемы любви никого не волнуют.

Впрочем... один брак по дикой любви у меня уже был. И ничем хорошим это не закончилось. Старая история, когда один любит, а другой позволяет себя любить. Некоторые живут так всю жизнь. У меня не получилось. Наверное, что-то есть в браках, заключающихся раз и навсегда. Супруги знают, что им некуда деваться, и постепенно привыкают друг к другу. Ну или (если консенсус найти не получается) стараются как можно меньше встречаться. Мои здешние родители, например, принадлежат к первому типу. Безумной любовью там не пахнет, но теплые отношения присутствуют. Предупредительность, нежность, некоторые

уступки друг другу и любовь к общим детям.

Несмотря на то что родители вечно были заняты, скидывая наше воспитание на многочисленных нянек, в их любви никто из детей не сомневался. Жаль только, что Якоб не следил хотя бы за воспитанием наследника. Дети у него получились капризные, самолюбивые и легкомысленные. Хотя почему «получились»? Я еще могу вмешаться в процесс. Вряд ли создам гениев, но помощников – вполне. Нужно только выяснить, кто чем увлекается, к какому предмету имеет способности и чего хочет добиться в жизни.

Надо же, какие мысли меня посещают во время праздника! У меня было всего два часа, чтобы отдохнуть от дневных забав и подготовиться к балу. А я, как всегда, погряз в размышлениях. Хорошо, что под рукой есть верный Отто, который поможет и в парадный костюм облачиться, и организует сани. Кстати, к ним прилагался теплый и красивый меховой полог. Интересно, кому принадлежат шкурки? В своей прошлой жизни я такой роскоши не встречал. Может, зверюшку окончательно истребили к XX веку? Вполне вероятно.

Я даже заснул по дороге, так что по прибытии лицо пришлось растирать снегом, чтобы взбодриться. Но окончательно я проснулся в тот момент, когда на меня пытались напялить парик. Нафиг, нафиг! Я такое не ношу и остальным не рекомендую. Подумаешь, мода у них. Кто тут сын герцога, тот и диктует моду. Хочется мне без парика посетить бал – значит, я так и сделаю. А кому не нравится – могут отвернуться. Или вообще покинуть дом.

Пани Родылевская, например, даже глазом не повела, когда меня увидела. Вдова оказалась дамой в самом соку – 25 лет, не больше. Плавные движения, красивая линия рук, тонкая талия, высокая грудь и замысловатая прическа, украшенная цветами. Был бы я хотя бы на пару лет старше – пропал бы, как есть пропал. Горячие карие очи обещали райское блаженство и еще чего-нибудь сверху. Но мой организм оставался преступно равнодушным. Наверное, это к лучшему – павану я станцевал безупречно. А возбуждение явно мне помешало бы.

Толпа собравшихся на престижный бал меня не радовала. Я уже успел привыкнуть к неторопливой жизни в Каркле. И жадные до моего внимания люди меня раздражали. Они оценивали меня, как лежащее на прилавке мясо. И сказать, что это было отвратительно – это сильно преуменьшить. Единственное, что радовало – ажиотаж, который вызвало зеркало, преподнесенное мной в подарок. В округе было не так уж мало богатых людей, которые хотели приобрести модную и дорогую безделушку.

Постепенно, с каждым выпитым бокалом спиртного, толпа все больше наседала. Я чувствовал, что схожу с ума от шума, разговоров, просьб, льстивых улыбок и холодных глаз. Наверное, бал – это неподходящее место для десятилетнего ребенка. Я с трудом отделался от особо приставучих типов, потихонечку покинул помещение и вышел на улицу подышать свежим воздухом. Там меня уже ждал Отто. Как же он вовремя!

Я успел попрощаться со старостой, одарить парой комплиментов особо яростных претенденток на мое внимание и снова исчезнуть. Домой! Я устал и не хочу никого видеть. Карету мне, карету!

И вся королевская конница, и вся королевская рать... У меня просто других слов нет, чтобы описать то, что начало происходить в деревушке Каркле с моей легкой руки. Оказалось, что зеркала, которые я послал в подарок родителям, произвели даже более сильное впечатление, чем я рассчитывал. Отец сам приехал посмотреть на процесс производства. И привез с собой все самое лучшее, что только нашел, – от необходимого сырья до нескольких семейств мастеров резьбы по дереву и ювелиров. Вот что значит – человек привык серьезно относиться к любому делу.

Удивляться тут, конечно, было нечему. Якоб очень хорошо умел считать деньги. И был на редкость прагматичным правителем. Historики считали, что он подвергся влиянию меркантилизма, но мне кажется, что герцог был такой по характеру изначально. А меркантилизм просто хорошо подходил его внутренним убеждениям. Ну скажите, кто сразу догадался бы продать подаренное зеркало французскому послу? А за Якобом не заржавело. И я даже боюсь предположить, сколько он денег сорвал на этой сделке. Никакой романтики и сентиментализма. Первый подарок сына? Ну так не последний же!

Герцог вознамерился продать и то зеркало, которое предназначалось для его жены, но маман встала грудью. В благородном семействе даже произошел небольшой скандал, и Якоб вынужден был уступить. Теперь к матушке выстроилась целая очередь из желающих нанести ей визит, а заодно и посмотреться в огромное зеркало. Это даже для столицы было бы неплохим развлечением, а для глубокой провинции тем более. Отец передал мне письмо от герцогини, где она умилялась моим талантам и благодарила, что я догадался прислать ей украшения на новый наряд. Похоже, для того, чтобы продемонстрировать расшитое зеркальными кусочками платье, будет специально организован бал.

Прибывший в Каркле Якоб развил бурную деятельность. Недоверчиво хмыкнул, изучив договор между мной и Глаубером, и вписался третьим. А по итогам длительных переговоров и споров мне удалось отжать всего тридцать процентов прибыли. Но трудно возразить, когда отец берется построить зеркальную мануфактуру – организовать несколько цехов, нанять работников, приставить охрану и договориться с торговцами.

Единственное, что я для себя выбил – возможность присутствовать при этих процессах, чтобы учиться, и остаться управляющим, чтобы контролировать происходящее – и качество, и объемы, и соблюдение секретности. Отец, подумав, согласился и тут же возжелал присутствовать при изготовлении зеркала. Видимо, хотел убедиться, что присланный ему подарок – это не случайно получившаяся диковинка. Я выдал ему защитные очки, и герцог смог насладиться процессом.

– Ты меня порадовал, сын, – сообщил мне Якоб, который целый день посвятил знакомству с работой мастерских. – Устроил все на славу и придумал, как пополнить казну. И какой товар сделали! Первосортный! Французский посол чуть шляпу свою не сжевал из зависти. И столько денег предложил, что я сразу ему зеркало продал. Пусть везет к себе, хвастается своему королю. Глядишь, у нас заказчиков больше появится. А я-то думал, что твоя поездка – лишь блажь. Попытка от уроков отлынивать.

– Я занимаюсь столько же, сколько и раньше, – возразил я.

– Учителя тебя хвалили, – кивнул герцог. – Ты действительно стал серьезнее. И к делам своим относишься ответственно. Вон как торговался со мной за долю дохода от зеркальной

мануфактуры.

– Это потому, что у меня есть еще и другие идеи, над которыми я собираюсь работать. А на них нужны деньги, – объяснил я. – Из казны я ничего тратить не хочу. Там и так пусто. Тем более что я не знаю, сколько времени займет воплощение в жизнь моих идей. И действительно ли результаты принесут прибыль.

– Рад, что ты мыслишь так здраво. Погляди-ка на себя, изменился как!

В ответ я только пожал плечами. В зеркале отражался обычный пацан, темноволосый и темноглазый. А то, что я стал вести себя по-другому... сложно казаться ребенком, если на самом деле ты старше. Выручало только то, что в XVII веке дети быстро выросли. И что сам Якоб с юности стремился к самостоятельности и знаниям. Наверное, именно поэтому он не видел ничего странного в наследнике, который желал увеличить благосостояние свое и страны. Скорее, ему казался непонятным прежний Фридрих, которого вообще ничего не интересовало, кроме развлечений.

Несмотря на ту активную деятельность, которую развил герцог, желающий срочно организовать зеркальную мануфактуру, прибыл он в Каркле не только за этим. У Якоба был план очередной поездки по стране. И в ближайшее время нужно было решить проблему с производством тканей. Шведы знатно порезвились в Курляндии – нехватка специалистов губельно сказалась и на этой сфере деятельности. Продавать было нечего. Да и для собственных нужд едва-едва хватало того, что производили.

К счастью, поголовье испанских овец удалось спасти. С легкой руки герцога, который чуть ли не пинками заставлял местных помещиков участвовать в его проектах, эти животные прекрасно прижились в Курляндии. А местные ткачи производили любые ткани – от самых дорогих до обычной парусины. И вот теперь требовалось решить проблему нехватки людей, сырья и готового продукта – что шведы не смогли вывезти с собой, они сожгли.

Поскольку в Каркле оставалось множество пустых домов, Якоб решил переселить сюда несколько прядильщиков и ткачей. Некоторые европейские заказы требовалось выполнить кровью из носу. Иначе можно было потерять не только клиентов, но и репутацию. Это было недопустимо, и герцог пытался решить проблему всеми доступными ему способами. Мои идеи о том, что жилье можно сдавать в аренду, а то и позволить выкупать постепенно, в течение нескольких лет (нечто типа ипотеки) Якобу показались интересными. Он и сам собирался сделать что-то подобное.

И таких дел у герцога было – выше крыши. Где взять специалистов – было совершенно неясно. Чем им платить – тоже. Да и восстанавливать придется слишком многое. Те же запасы зерновых сильно пострадали. А людям нужно было что-то есть и что-то сажать. Так что к военным потерям вполне могут прибавиться смерти тех, кто не переживет голодную зиму.

В мое время здесь бы уже как минимум топталось МЧС. Палатки, полевые кухни, дотации от государства... Жаль, но все это осталось в прошлом. Даже Якоб, который понимал, что ему нужны люди, относился к этому ресурсу... спустя рукава. Ему проще и дешевле было нанять новых, чем организовать спасение уже существующих. И даже разговоры с наводящими вопросами не помогали. Нет ни связи, ни нормальных дорог, ни даже ответственных за происходящее.

Староста, например, которого я собирался так активно проверять, оказался недавно избранным. И сам не знал досконально, что происходит на подведомственных ему землях. Он лично приехал каяться отцу, что не соберет нужной суммы денег для выплаты налога, да

и с производством все будет очень невесело. Герцог вдохновил его речью о подвиге во славу отечества. Судя по физиономии старосты – это не особо его впечатлило. К ответственности он явно не был готов и рад был бы скинуть ее на кого-нибудь другого.

Я понимал его как никто другой. Помнится, в различных исторических романах мне попадалось утверждение, что раньше люди жили медленнее. Дескать, там, где не было Интернета и даже радио, спешить было некуда. Посмотрели бы они на герцога! Он планировал по нескольку дел сразу и отслеживал, что где происходит.

Надо покупать сырье за границей? Так и сделаем. Нужны люди? Можно сманить из соседних стран. Большинство из них, разумеется, нуждается в обучении, но, по крайней мере, будет кому выполнять хотя бы элементарную работу. Якоб даже за нищих и попрошаек всерьез взялся – весной нужно было строить, копать, пахать и заниматься прочими видами деятельности. Я едва за ним поспевал, пытаюсь вникнуть в дела, ознакомиться с документами и присутствовать хотя бы на самых важных встречах. А уроки, между прочим, никто не отменял!

Месяц май я вместе с ребятами встретил недалеко от Тальсена. Ни орденский замок на холме, ни тем более маленькие дома местного населения нас не привлекали, и мы решили ночевать на берегу озера. Май выдался удивительно жарким, так что свежий воздух начисто выигрывал у душных, сырых помещений, где вместе с хозяевами нас поджидали радостные клопы. Балдахины и резные ножки у кроватей – они не просто так придуманы. А клопы – это такие мерзкие твари, которые не различают, где крестьянин, а где герцогский сын.

Ну а еще одной причиной было то, что всего года три назад по этим местам прошла эпидемия чумы. Ее вроде как пережили, но рисковать не хотелось. Чем был плох XVII век – здесь еще не могли лечить даже самые простые болезни. И я не уверен, что смогу исправить ситуацию. Хотя за изобретение лекарства от оспы и чумы мне точно поставили бы памятник из золота, причем в полный рост.

Да и чего скрывать, нравилась мне походная жизнь! Я потихоньку знакомился с Курляндией и вникал в проблемы страны. Их оказалось множество. И, кстати, не только шведы постарались. Печально признавать, но Якоб тоже отметился. В своем желании создать флот он слегка переусердствовал с вырубкой леса. И, как я с удивлением узнал, курляндские корабли были далеко не самыми лучшими. Они имели тот же недостаток, что и русские времен Петра – строились из сырого дерева и быстро выходили из строя.

Мда. А я-то все не мог понять, почему так много стран оказалось нам должны. А оказывается, помимо проблемы вечной нехватки денег, тут был и еще один резон – оплачивать такую работу никому не хотелось. У меня даже возникли подозрения, что Англия именно поэтому нам Тобаго подсунула. Им самим этот остров был нафиг не нужен, вот и избавились от чемодана без ручки. А когда Тобаго вновь показался привлекательным – объявили дарственную ничтожной. Настоящие хозяева своего слова! Захотели – дали, захотели – взяли обратно.

Ничего, одним из пунктов моего путешествия обозначена Виндава. И я из кожи вон вылезу, чтобы повлиять на ситуацию с колониями! Найду надежных людей и отправлю вербовать талантливых капитанов и моряков. Несмотря на то что Курляндия уже давно строит корабли и имеет флот, с профессиональными мореплавателями у нее туго. И привезти военную силу, которая способна повлиять на обстановку в Африке и Америке – просто нереально. Курляндия себя-то защитить толком не может!

В случае сколониями наемники – это наш единственный шанс. Прикормить их, щедро

платить, а затем поманить поисками золота. Самых талантливых, разумеется. Джентльмены удачи – на редкость рискованный народ. И в неизведанные дебри Америки суются смело. Думаю, что и в африканские сунутся, если я все-таки надумаю там искать золото и алмазы. Нужно только к тому времени определиться с маршрутом (чтобы не совсем уж гиблое место было) и иметь свою натренированную команду верных людей, которые будут бдительно следить за пиратами и не позволят им нас кинуть.

Вот только прежде чем затевать эту авантюру, нужно хорошенько обдумать другую имеющуюся проблему. После того как Якоб принялся строить флот, от курляндских лесов осталось не так уж много. То есть на какое-то время активной вырубке их, может быть, еще и хватит, но дальше-то мы что будем делать? А из дерева мы, между прочим, не одни только корабли строим. Торговля деревянными изделиями идет довольно бойко, поскольку материал относительно дешевый и обрабатывается легко.

Может, запрячь население саженцы сажать? Не бесплатно, конечно. Выделять места для посадок, платить за доставку и приставить того, кто будет следить за молодняком. Начинать это делать следует если и не сию секунду, то все равно довольно быстро. Если я планирую продолжать обзаводиться колониями, захватывать территории в Африке и Америке – это просто необходимо. Без своих кораблей делать нечего. А закупать сырье за рубежом не только накладно, но и небезопасно. Сегодня страны дружат, а завтра случится война, и канал поставок окажется перекрыт.

– Эй, смотрите, что я нашел!

Громкий возглас отвлек меня от тяжелых мыслей о будущем. Я оглянулся. Пацаны копали яму, которая должна была стать отхожим местом на время стоянки, и, похоже, наткнулись на что-то интересное. Я подошел ближе. Оказывается, находка располагалась не в земле, а рядом. На огромном валуне, с которого случайно смели листву и хвою, был изображен характерный равносторонний крест тамплиеров. Вот это ничего себе! Рядом было выбито несколько символов, которые я тут же перерисовал себе.

О чем в первую очередь можно подумать, наткнувшись на подобное изображение? Разумеется, о сокровищах. В том, что значительная часть денег тамплиеров осела в Прибалтике, я даже не сомневался. И для этого были причины, основанные на чтении старых хроник и рассказах учителей. Между прочим, первый герцог Курляндии Готхард Кетлер был, ни больше ни меньше, последним магистром Ливонского ордена. А многие считают этот самый орден просто ответвлением храмовников.

Я, конечно, не стал бы совсем сомневаться в самостоятельности Ливонского ордена, но если сравнить его устав с уставом тамплиеров, то получится старинная игра «найди десять отличий». И это не говоря о том, что оба ордена имели одну святую покровительницу – Марию Магдалену, схожие плащи и идентичные ритуалы посвящения. Но самое главное, что убедило меня во взаимодействии орденов – появившиеся из ниоткуда большие деньги.

Ну сами подумайте – в течение восьмидесяти лет с момента организации ордена, им было построено всего два очень скромных замка. О чем говорить, если даже Рига имела площадь не больше двух гектаров, деревянный собор, небольшую резиденцию епископа, несколько пакгаузов и причал. А с 1315 года начинается просто строительный бум: примерно в одно время начато строительство более чем тридцати замковых комплексов. Причем не каких-то там мелких и убогих, а капитальных – каменных, с башнями, рвами и развитой дорожной сетью.

Внезапно, не правда ли? А если учесть, что разгром тамплиеров случился несколькими

годами раньше? Не удивлюсь, если храмовники подозревали Филиппа Красивого в желании присвоить их сокровища. Никто, конечно, не думал, что будут суды, обвинения в ереси и сожжение людей. Тамплиеры, заподозрив короля в алчности, даже не подозревали, как далеко эта алчность может зайти. И когда им донесли, что намечается нездоровое шевеление в верхах, он вывели сокровища из-под удара.

Судя по косвенным данным, деньги потекли не только в Прибалтику, но и в Россию. Москва тоже как-то резко рванула в начале XIV века. Да и судя по тому, как хорошо устроились храмовники в других странах, недостатка в средствах у них не было. Полагаю, что получив жестокий урок во Франции, храмовники не складывали все яйца в одну корзину. И их фантастическое богатство расплозлось по разным городам и странам. Что, конечно, не исключает наличие кладов. Филипп Красивый научил тамплиеров хранить сокровища так, чтобы до них очень сложно было добраться.

Разумеется, мои уроки истории включали в себя рассказы о славном прошлом нашего рода. О Ливонском ордене, о сражениях и о тамплиерах. Поскольку я по праву рождения относился к посвященным, то знал некоторые шифры и знаки. Полагаю, с возрастом мне приоткроется еще больше тайн, но пока нужно обходиться тем, что есть. Слишком долго ждать, когда я достаточно вырасту и покажу себя, чтобы считаться достойным посвящения. Судя по тому, какая судьба была у Курляндии в реальной истории, Якоб оказался последним хранителем тайны. Наследники не были сочтены достойными.

Надо же было мне, совершенно случайно, наткнуться на камень с явным указанием какого-то места. Может, конечно, там были вовсе не сокровища, но я и библиотеке порадоюсь. Однако думается мне, что стоит порыться в этом направлении. Насколько я помню, поисками сокровищ в Прибалтике активно занималась и «Аненербе». Эта организация прошерстила что-то около 250 ливонских и эстонских замков. И судя по тому, как оперативно она свернула свою деятельность в 1942 году, что-то искатели сокровищ все-таки нашли. Есть даже версия, что Мартин Борман вывез их в Аргентину вместе с фашистской кассой.

Ну что ж. Требуется опередить «Аненербе». Тем более что возглавлявший поиски сокровищ Нейманн действовал чуть ли не по методу научного тыка, вручную обстукивая все замки. А в моей семье хранились очень интересные документы, скорее всего, не сохранившиеся до XXI века (или хорошо спрятанные), да и указатель я нашел интересный. С одной стороны – искать несметные сокровища вроде как глупо. Тамплиеры пускали деньги в дело. А с другой... Где-то же они хранили свою казну! В каком-то из защищенных замков, типа того, что построен на холме недалеко от поселения Тальсен.

Ливонский орден вроде как был разгромлен и упразднен еще в XVI веке. Иван свет Васильевич тому немало поспособствовал. Однако остались и замки, и связи, и документы, и традиции. И это только кажется, что в XVII веке от могущественных орденов ничего не осталось. На самом деле тайные общества продолжают существовать. Только в другом формате. Уже никто не рвется в очередной крестовый поход, а вот способы влияния на политику и политиков усвоены и усовершенствованы. Деньги открывают любые двери.

Я еще раз обошел камень и сверил свои записи с рисунком, чтобы убедиться, что не ошибся при копировании. Прошло три сотни лет после разгрома тамплиеров. Сохранились ли сокровища, на которые (возможно) указывает камень? И такие ли уж они бесхозные? Если организация прячет ценности, то так, чтобы последователи могли ими воспользоваться. Так что там вполне может быть охрана. Как-то странно верить в то, что тамплиеры сами не

знают, где зарыты их сокровища.

Другое дело, что нычка может быть для чего-то предназначена. Золото и драгоценные камни всегда в цене. А запас карман не тянет. Так что сокровище можно спрятать с дальним прицелом – вскрыть кубышку в нужный момент и иметь средства для того, чтобы вмешаться в текущую политическую ситуацию. Тоже, в принципе, довольно правдоподобный вариант. Так что вопрос вопросов – поделиться ли своей находкой с отцом?

Хотя что тут думать? Даже если я захочу, мне не удастся держать в тайне историю с валуном. Приставленные к нам взрослые не только присматривали за нами, но и наверняка слали герцогу длинные отчеты о нашей деятельности. И это было нормально. Я бы своего ребенка тоже без пригляда не отпустил. Интересно, как Якоб отреагирует на известие о том, что мы напали на след сокровищ тамплиеров? Вполне может запретить совать свой нос куда не следует.

А может, и нет. Дополнительное финансирование Курляндии очень пригодилось бы. Изготовление зеркал приносило хорошие деньги, и Якоб, так же, как и я, озаботился здоровьем Глаубера. Хорошее питание, свежий воздух и исследования руками учеников. Тех, кстати, тоже берегли – постоянно меняли, организовывая работу по сменам. Кажется, никто просто не представлял, что обычная химия может приносить столько денег. Нет, лекарства, которые производил Глаубер, тоже стоили дорого (и, кстати, неплохо помогали), но зеркала оказались воистину золотым дном.

А у меня неожиданно получилось совершить диверсию чуть ли не в мировом масштабе. Подождав, пока с изготовлением зеркал все более менее устаканится, я решил поработать над созданием мельхиора. Исполдволь, не сразу, чтобы даже не казалось, что я имею к этой идее какое-то отношение. Быть изобретателем – это хорошо, но во всем нужно знать меру. Где-то я читал историю о том, как какой-то умник слишком быстро из пушки стрелял, так его отправили исповедоваться и замаливать грехи. Типа, дьявол помог. Мне подобных подозрений было не нужно.

В общем, пришлось изрядно поднапрячь мозги, чтобы никто ни в чем меня не заподозрил. Хорошо, что Глаубер был неумным экспериментатором! Ему самому казалось интересным производить различные действия с уже известными веществами, чтобы узнать, что в итоге получится. Так что нагреть в печке пиролюзит с углем и получить металлический марганец было не так сложно.

Куда проблематичнее оказалось подобрать нужную дозировку меди, никеля, железа и марганца, чтобы получить на выходе мельхиор. Я помнил состав очень приблизительно, так что честь открытия целиком и полностью принадлежит Глауберу. Изобретение получило его имя. И он был гораздо более достоин этого, чем пара французов, которые просто присвоили себе немецкую разработку.

Как из всего этого получилась диверсия? В силу необразованности большей части населения. Казалось бы, довольно много людей уже поверили в то, что алхимия – это лженаука. И тут мы получаем серебро из простого железа! И убеждать, что это заявление не соответствует действительности, бессмысленно. Глаубер даже издал небольшую работу, где объяснял, что полученный глауберит – вовсе никакое не серебро, но его почти не услышали.

Какой смысл в ненужных деталях, если придуманная история звучит таинственнее и красивее? А полученный результат ценится не меньше, чем серебро? Мельхиор уже давно был известен в Европе как «китайское серебро» – пакфонг. И европейские алхимики уже довольно долго бились над проблемой повторения рецепта. Они даже состав выяснили, но

результата так и не добились. Так что Глаубер стал тем, кто «переоткрыл» древний рецепт, а заодно и прославил себя открытием марганца.

Возникший нездоровый ажиотаж вокруг глауберита повлек за собой неожиданные последствия. Многие королевские дворы, чьи правители давно уже разочаровались в идее поиска философского камня, снова начали выделять деньги на исследования. Нельзя сказать, что эта идея была совсем уж провальной – в процессе поисков эликсира жизни и возможности превращать любой металл в золото алхимики обнаружили много чего интересного. И благодаря им химия появилась как наука. Но просто сердце радуется, когда я думаю, сколько денег выкинут в трубу наши конкуренты, пытаясь повторить результат!

Собственно, после изобретения глауберита я и решил отправиться в путешествие по стране. Даже чуть раньше, как только понял, что Глаубер на правильном пути и получает нужные результаты. Я оказался прав – ученый и без меня прекрасно довел изобретение до ума. Герцог был счастлив, матушка получила первый набор мельхиоровой посуды с гербом, а в Каркле начала строиться еще одна мануфактура. Причем Якоб, не желающий, чтобы секреты производства ушли на сторону, принял поистине драконовские меры, обеспечивающие безопасность.

Фантазии на оружейную тему меня тоже не отпускали. Во время поездки я разговаривал со множеством мастеров и торговцев, выказывая желание приобрести лучшие оружейные образцы. Россию, кстати, тоже не упустил. Помню, читал я в свое время про некоего загадочного мастера Первушу Исаева, чье оружие отличалось достаточно сложными для XVII века конструктивными особенностями. Мне попадалась информация про то, что он создал охотничью пищаль с пятизарядным револьверным барабаном и кремневым замком англо-голландского типа. А еще пистолет-револьвер с кремневым замком французского типа и шестизарядным барабаном. Шесть выстрелов можно было произвести без перезарядки, лишь подсыпая затравочный порох на полку замка и поворачивая рукой барабан.

Стоит ли удивляться, что мне захотелось иметь такое оружие? Я настырно собирал лучшую коллекцию огнестрела XVII века. В данный момент мы занимались освоением французского «вендерного» орудия, которое в России именовалось «перевертным». Стволы, располагающиеся один над другим, имели по пороховой полке с затравочным отверстием и огниво. Выстрел производился из верхнего ствола, после чего ствольный блок поворачивали на 180 градусов, располагая напротив курка второй предварительно заряженный ствол.

В принципе, два выстрела – это гораздо лучше, чем один, но в процессе стрельб у орудия выявилась куча недостатков. Чаще всего ось и гнездо в прикладе разбалтывались от частого применения, и стволы переставали надежно стыковаться с замком. У вожденной мною пятизарядной пищали тоже были свои недостатки – по объективным причинам не удалось обеспечить надёжную обтюрацию между стволом и барабаном, и это оружие не получило распространения, но... тут есть потенциал, с которым можно работать. И раз никто пока не видит перспектив данного оружия, возможно, русские согласятся продать хотя бы один экземпляр.

Ох, где, где мой драгоценный Интернет, где можно получить кучу советов по любому вопросу? На его просторах можно найти знатоков, разбирающихся в любой сфере деятельности. Мне бы не помешали чертежи кораблей. И станков. Потому что то, с чем я ознакомился, не вызывает у меня прилива вдохновения. Я уже полюбовался на различные версии токарных станков – с ножным приводом, с канатным ручным приводом от маховика и даже с прообразом токарно-винторезного станка. Основная их масса была приобретена за

рубежом, а то, что делалось в самой Курляндии, оставляло желать лучшего.

Единственное, что радовало – станки хотя бы вообще были в наличии. И существовали люди, которые умели на них работать. Вот только количество и тех, и других требовалось увеличить. Порядок срочности – еще вчера. Но сколько для этого требовалось денег – я даже представить боюсь. Поэтому меня так и порадовал огромный валун с символикой тамплиеров. Можно рискнуть и хотя бы поискать старые сокровища. Осторожно изъять, аккуратно перепрятать и потихоньку пользоваться.

Это же такие перспективы! Например, можно будет организовать бассейн для испытания моделей кораблей. Как и любому пацану, мне нравились парусники. И особый восторг вызывали клипера. Дома у меня даже стояла полуметровая модель «Катти Сарк». И я, как художник, мог воспроизвести ее. Но на бумаге. С одной стороны – это уже было достижением. Я помнил про острые обводы корпуса, увеличенную остойчивость, наклоненные к корме мачты, большую площадь парусов, которая позволяла клиперам развивать отличную скорость, и даже об увеличенном отношении длины к ширине корпуса (вроде бы 6 к 1). Но сколько придется с этим работать, чтобы рисунок превратился в реальный корабль!

С другой стороны – хорошо, что талант к рисованию переместился в прошлое вместе со мной. Иначе никакие воспоминания о моделях вообще не были бы полезными. Да и символику с шифрами я запоминал легче. Хотя, как мне кажется, полностью тайные знаки и письма не знает вообще никто. Филипп Красивый арестовал верхушку тамплиеров неожиданно, буквально вынув их из постелей, так что вполне вероятно, что магистр ордена Жак де Моле просто не смог сообщить последователям необходимые сведения.

Думается мне, что искать стоит не только те сокровища, которые вывезли перед арестами, но и те, которые спрятали задолго до этого. Тамплиеры известны тем, что давали деньги в долг и даже влияли на политику с их помощью. А это значило, что в каждом значимом для храмовников месте должна иметься своя казна. И становится вполне логичным существование схронов «на всякий случай». Насколько я знаю, во многих странах (и в России в том числе) до сих пор есть хранилища оружия, которое вроде бы отслужило свой век. И если танк, съехав с пьедестала, может поучаствовать в параде (а кое-где и в боевых действиях), то и «мосинка» начала XX века вполне может пригодиться. А уж золото – это не оружие. Оно не устаревает.

Что ж. Слегка изменим маршрут передвижения. Клады я не искал ни разу в своей жизни, так что будет новый опыт. Приведет он меня к сокровищам – прекрасно. Не приведет – узнаю страну получше и поучаствую в приключении, о котором мечтает любой пацан. А я, несмотря на память о прожитых годах, нахожусь именно в теле мальчишки, которому скоро исполнится одиннадцать лет. В таком возрасте ошибки, сиюминутные порывы и увлечения вполне простительны. И даже необходимы. Иначе как набрать жизненный опыт?

Тот опыт, который у меня был, подходил отнюдь не всегда и не везде. Происхождение и XVII век диктовали свои правила. Ну и психологической разрядки еще никто не отменял. Раз уж я оказался в детском теле, то решил позволить ему брать иногда верх. Чтобы перекина в мозгах не случилось. И, кстати, после активных игр я действительно чувствовал себя лучше. Нужно было сделать скидку на то, что организму требовался отдых, и перегружать его не следовало.

Якоб искренне радовался, что я взялся за ум, но и мои забавы он одобрял. Видимо,

желал, чтобы его наследник был всесторонне развит. Самому герцогу детьми было заниматься недосуг, матушке тоже (хотя безобразно баловать она нас успевала), а планомерно заниматься самообразованием способен далеко не каждый ребенок.

Разумеется, существуют гении, но гением я быть никогда не хотел. Даже в своей прошлой жизни. Из детей-гениев исключительно редко вырастает что-нибудь стоящее. Чаще всего, их дар перегорает с переходным возрастом. И это на самом деле очень страшно – когда тебе всего семнадцать, а все великое и замечательное, что с тобой могло случиться – уже случилось. Все твои взлеты, фанфары и восторженные фанаты – *уже* в прошлом. И в лучшем случае такой ребенок становится одним из многих. А в худшем – его жизнь слишком рано прерывается. Исключения, разумеется, случаются – гениальность Моцарта с возрастом только расцвела, но таких уникалов за всю историю можно пересчитать по пальцам.

Именно поэтому я старался разумно подходить к совершенствованию своего детского тела. Как умственному, так и физическому. Уроки, которые у меня были, ничем не отличались от тех, что были у моих ровесников из других высокопоставленных семей. А те дополнительные занятия, которые я сам для себя находил, компенсировались активным отдыхом, музыкой и живописью. Клавесин, который притащили в эту дыру, так и остался без моего внимания, а вот на гитаре я частенько играл. Не пел, нет. Именно играл, вспоминая все то, что успел выучить за свою жизнь.

Иногда я жалел, что не проявил усердия, и мое обучение в музыкальной школе накрылось медным тазом. Но с другой стороны – у меня была замечательная мальчишеская жизнь с друзьями и дворовыми играми. А гитару я освоил позже, когда мне захотелось. И с возрастом полюбил классику, самостоятельно разучивая сложные произведения. А может это на меня так повлиял старый американский фильм «Перекресток» 1986 года. После него я и загорелся научиться играть на гитаре. Финал фильма, где в результате состязания дар нечистого проигрывает мастерству, заработанному тяжким, долгим трудом, произвел на меня неизгладимое впечатление. Помню, когда я, наконец, сыграл «Венецианский карнавал» так, что получил одобрение профессионала, то долго ходил надутый от гордости.

Вот и сейчас наше путешествие, пусть даже совмещенное со стрельбой из разных видов оружия, было неплохим развлечением, позволяющим отдохнуть от уроков. Мне нравилось и ездить верхом, и фехтовать, и охоту я, что называется, «распробовал». Тратить на нее все свое свободное время, разумеется, не стал бы, но пожалуй, стоит как-нибудь повторить. Нашей добычей стал приличного размера кабан и еще здоровая кошка, напоминающая рысь, но явно превосходящая ее в габаритах. Никогда таких не видел. Наверное, перестреляли к XXI веку.

Между прочим, водились в курляндских лесах и другие весьма интересные зверьки. Например, я с удивлением узнал, что пушиной славна не одна только Россия. И что местные охотники вполне могут добыть и норку, и горноста, и ласку, и куницу. У меня прям руки зачесались. Сами шкурки интересовали меня постольку поскольку, а вот зверьки – очень даже. Не слышал, чтобы в Европе XVII века их разводили, а это довольно прибыльное дело. Особенно если знать, как его правильно вести. А я, к счастью, имею приблизительное представление, поскольку у моих друзей был подобный бизнес. Небезуспешный, кстати.

Для начала можно организовать нечто типа зоопарка. Ну, развлекается наследник герцога, любит хищных пушистых зверушек. А отработав методику на нескольких экземплярах, можно продемонстрировать Якобу плоды трудов и заинтересовать перспективой. Не сомневаюсь, он оценит. А уж как оценит матушка соболиную шубу! Несмотря на то что пушные животные в Курляндии все еще водились, мехов было

недостаточно, и их покупали у соседей. А если дело пойдет, мы сможем сами торговать с Европой. До появления «зеленых» еще далеко. И меха еще долго останутся любимым приобретением знатных и богатых людей.

Сделав очередную пометку в своей записной книжке (лучшая бумага, ручной переплет, личный заказ), я отправился на боковую. Завтра предстоял очередной ранний подъем, тренировки и смена маршрута. Мои сопровождающие, как ни странно, нисколько не возражали по этому поводу. То ли получили от отца соответствующие инструкции, то ли самим было интересно. Не сомневаюсь, что при первом же удобном случае герцогу будет отправлено соответствующее письмо, но будем надеяться на лучшее. Да здравствуют авантюры и авантюристы!

...Ровно через двое суток я мог сказать себе самому только одно цензурное слово – размечтался! Вот прямо лежат сокровища тамплиеров и ждут, когда же их найдет какой-нибудь умник. А о том, что мои предки участвовали в перепрятывании и трате денег храмовников – не подумал. И ведь знал же, знал, что первый герцог Курляндии Готхард Кетлер был последним магистром Ливонского ордена, а нигде не щелкнуло в голове! Тамплиеры, конечно, не раскрыли собратьям всех своих секретов, но уж частью-то точно поделились!

Однако все мои догадки и семейные предания, которые я слышал от учителей и которые больше походили на сказки, поблекли перед действительностью. Оказалось, что мой отец был с инспекцией неподалеку и, получив письмо о моих действиях, решил со мной встретиться. И поговорить по-взрослому, приоткрыв кое-какие тайны рода. Вот это, я вам скажу, была эпопея! С тайными знаками, убийством свидетелей, взаимными клятвами и замурованными драгоценностями. Если переработать материал, то получится прекрасное дополнение к той книге, которую я пишу.

Как выяснилось, догадался я правильно – казна у тамплиеров была не одна. Часть сокровищ решено было спрятать в одном из неприступных замков, переименованного в Гольдинген (хранилище золота). Его комтур обладал неограниченной властью, имел собственную армию и мог объявлять войну без санкции магистра. Первым хранителем сокровищ был назначен Арно де Бетанкур, который неожиданно превратился в Арнольда Фитингхофа. А всего-то французская фамилия «Betencoure», была переведена на немецкий как «Vieh im Hof».

После Ливонской войны Готхард Кетлер не видел возможности сохранить орден независимым и передал представителю Речи Посполитой, князю Радзивиллу, атрибуты власти ордена, получив взамен корону герцога. Управлял Готхард Курляндским и Пардаугавским герцогствами, но вассал есть вассал. И как только полякам захотелось, они подгрести под себя Пардаугаву с замками Мариенбург и Вильянди. Так что из замков с сокровищами^[2] у Кетлера остался лишь Гольдинген. А в Кулдигском замке, кстати, родился мой отец.

Якоб намекнул, между прочим, что деньги тамплиеров весьма помогли ему при строительстве железодельных заводов, кузниц, канатных мастерских и прочих предприятий. Однако гениальности отца это нисколько не уменьшало. Мало иметь финансы, ими нужно уметь распорядиться. Ни его предкам, ни потомкам это не удалось сделать настолько эффективно. Курляндский монетный двор даже чеканил деньги для некоторых европейских стран. Это какие перспективы рисуются, если не дать загнуться этому предприятию!

Между прочим, слух о хранящемся в замке золоте дошел и до шведов. (Мудрено не прийти, когда название говорит само за себя.) Правда, поживиться нападающим не удалось. Якоб знал, как прятать деньги. И никто, кроме него, не знал секрета тайных подвалов. Вот только герцога взяли в плен, причем вместе с семьей. И отпустили вовсе не просто так, по доброте душевной. И не потому, что проиграли. «Случайная» пуля могла решить проблему строптивного герцога раз и навсегда.

Нет, шведы получили выкуп. Но не золотом Гольдингена, а долей тамплиерских сокровищ, которая хранилась в Вильянди. И пока шведы не вывезли все в Стокгольм, Якоб оставался под домашним арестом. А единственное, что утешало герцога – что нападавшим досталась лишь ничтожная часть общего богатства. К счастью, несмотря на самые фантастические слухи, никто даже не представлял себе истинного объема сокровищ, привезенных храмовниками.

По словам отца, того, что хранится в Гольдингене, хватит и на его, и на мой век, и внукам останется, если я не пушу наследство по ветру. Ну да, на то, чтобы оперы строить и ананасы выращивать, а также иметь блестящий двор, способный на равных конкурировать с французским, никаких денег не хватит. Ни заработанных Якобом, ни припрятанных тамплиерами. Меня даже не удивляло, что отец не хочет тратить этот запас, прибегая к нему только в исключительных случаях. Как сейчас, например, когда страна разорена и ее срочно требуется восстанавливать.

Да уж. Судя по рассказам герцога, на стройки отправляли почти 700 рабочих. И это планировалось делать весь год. А еще за рубежом активно закупалось сырье, живность и сманивались специалисты, которым предлагалось неплохое вознаграждение и гарантировались постоянные заказы. Мои зеркала и мельхиор... теперь глауберит уже... оказались как нельзя кстати. Мануфактура строилась ударными темпами, но заказов уже набралось чуть ли не на несколько лет вперед.

Словом, искать сокровища в Курляндии бессмысленно. Все, что тут было, герцог благополучно прибрал к рукам. Однако остались и кое-какие тайники, добраться до которых проблематично в силу определенных причин. Например, поляки так и не смогли найти сокровищ в Мариенбурге и Вильянди. Просто потому, что не знали, где конкретно искать. А вот Якоб знал. И потомок фон Фитингофа, носящий ту же фамилию, наверняка знал. Но ни у одного, ни у другого не было возможности добраться до сокровищ. Как и у Готхарда в свое время не получилось их вывезти.

Ха! Всего каких-то лет сорок, и Мариенбург пострадает от взрывов во время Северной войны. Вот только ждать столько времени не хотелось. Что ж, если я начну менять историю, все может сложиться по-другому. Вполне вероятно, что более совершенное оружие позволит Курляндии если и не диктовать свои условия, то хотя бы не оказаться предметом дележа и пешкой в чужой игре. В свое время Готхард Кетлер выбрал покровительство сначала Ливонии, а потом Речи Посполитой, чтобы не попасть под руку Ивану Грозному. Я бы, конечно, выбрал независимость. Вопрос только в том – получится ли это у меня?

Свобода дается очень тяжело. Особенно такой маленькой стране, как Курляндия. Логичнее было бы искать сильного покровителя, но мне не нравилась Речь Посполитая в этом качестве. Курляндию постоянно втягивали в ненужные ей войны, а защитить от нападений не могли. Впрочем, в политике каждая страна – хищник, пекущийся о собственных интересах. Это нормально. И не стоит рассчитывать, что любой другой покровитель будет лучше Польши. Может, так гайки закрутит, что света белого не взвидишь.

Но сокровища в Мариенбурге – это действительно интересно. А герцог еще и пустился в рассуждения, выводя историческую закономерность, согласно которой права на это богатство имеем только мы. Да кто же спорит! Еще бы придумать, как к ним подобраться! Причем так, чтобы поляки не заметили. Учитывая, что сокровища спрятаны в тайнике за стеной, которую нужно ломать, а в замке постоянно присутствует большое количество людей (в том числе и вооруженных) – задача не тривиальная.

Впрочем, у меня еще будет время подумать на эту тему. Если верить историческим хроникам, полякам от богатств тамплиеров, скрытых в Мариенбурге, так ничего и не обломится. А я постараюсь воспользоваться удачной ситуацией. А то и подстроить ее. Если верить Якобу, то сумма там хранится примерно такая же, как в Гольдингене. Жирный кусок.

Разумеется, я поклялся хранить тайну. Но я и без этого не стал бы делиться бесценными сведениями. Якоб, видимо, это понял, потому как пришел в прекрасное расположение духа и пригласил меня составить ему компанию до ближайшего города. Там он намеревался задержаться, чтобы проследить, как идет работа, и решить насущные проблемы, а мы отправимся дальше, в Виндаву. Никуда не сворачивая по пути. На этом герцог особо настоял. Видимо, не хотел рисковать наследником, которого снова понесет на поиски каких-нибудь сокровищ.

Разумеется, я согласился и с удовольствием посетил вместе с отцом несколько мануфактур. После чего, оставшись в одиночестве, испытал желание постучаться головой о стену. Чтобы хоть немного встряхнуть свои мозги, занятые охотой, поиском сокровищ и прочей дребеденью. Глядя на то, как производится ткань, я уже открыл рот, чтобы поинтересоваться, почему ткачи работают на станках, а прядильщики практически вручную. Хорошо что нас отвлекли разговором мастера, с которыми герцог изволил побеседовать.

И только тогда до меня дошло, что я чуть не спалился. Якоб всегда очень ответственно относился к организации производства. И если я не видел нужных станков, хотя бы самых примитивных, значит, их просто не существует в природе. Блин, неужели прялку «Дженни» еще не изобрели? Несмотря на свою несложную конструкцию, она увеличивала выработку во много раз. Я даже помню, что была история с тем, что прядильщикам, боявшимся потерять работу, такое изобретение не понравилось, и изобретатель вынужден был переехать. Однако для Курляндии, с ее нехваткой рабочих рук, это было бы прекрасным выходом!

Как устроена эта прялка, я помнил. Спасибо нашему учителю истории. Человек он был совершенно мерзкий, а преподаватель сильный. Вдалбливал знания намертво. По-моему, любой его «троечник» мог с легкостью поступить на истфак. Вот и прялка эта приснопамятная отложилась в памяти. Жаль, история Курляндии не попала в школьные учебники, и потому я имел о ней самое поверхностное представление. Даже о колониальных завоеваниях скупно рассказывалось.

Разумеется, я не надеялся, что с ходу могу сделать что-то путное. Во-первых, школу я окончил давно, а во-вторых, одно дело – схема, и совсем другое – реальный проект. Но у меня под боком есть Гюйгенс, которого стоит оторвать от дел. Карманные часы – это круто, но пока дело движется туго. А я по своему опыту знаю – если что-то не дается, нужно отвлечься, переключиться на другой вид деятельности, а потом вернуться к проблеме «со свежими мозгами». Мне, например, музыка с рисованием помогают.

И да, кстати, не стоит заикливаться на прялке. Может же отец выделить для меня семейство ткачей вместе со станками? Работа не пострадает, а в деньгах они даже приобретут, поскольку я приплачу за освоение ткацкого станка. Не может быть, чтобы его не

удалось усовершенствовать! Проблема только в том, что для массового производства одних станков нужны другие станки. А я не уверен, что потяну создание такого количества техники. Впрочем, для начала следует подробнее ознакомиться с теми образцами, что уже существуют. А там, может быть, не придется изобретать велосипед.

[Купить полную версию книги](#)

notes

В реальности к началу 1660 года у Глаубера уже был частичный паралич ног, но авторским произволом данный факт игнорируется. Ученый уже плохо себя чувствует, но еще может путешествовать и продолжает заниматься любимым делом.

Эта версия реальной истории кажется мне немного натянутой. Я читала, что магистры Ливонского ордена не имели никакого доступа к казне храмовников, хотя не раз на нее посягали. Так что не вполне понятно – как сокровища могли оказаться в их власти. Но поскольку я пишу альтернативку, а версия стыкуется с сюжетом, пусть будет.

В реальности спецов по разведению конопли герцог сманивал в 1663-м, но я решила, что можно пораньше начать полезную деятельность.

Описанное существо называется лиоплевродон. Данный поворот сюжета понадобился, чтобы было понятно, что главный герой оказался в альтернативной истории, где некоторые моменты пошли не так, как в истории реальной.

Как ни фантастично это звучит, такая книга реально была выпущена. И долгое время служила учебным пособием по артиллерии.

В реальной истории действительно не согласился.

Реальная история.

В реальной истории эта Амалия умерла, не прожив трех месяцев. В реальной истории Фридрих также был женат на своей двоюродной сестре, вторым браком (разница в возрасте 24 года).

В США в 21 штате в школах изредка осуществляются телесные наказания. Да, до сих пор.

Любопытствующие и незнакомые с данным шедевром могут насладиться:
<https://www.wdl.org/fr/item/4305/view/1/130/>

В реальности Гук был первым. И классическая история гласит, что Ньютон оспорил приоритет Гука, говоря о независимом и более раннем открытии этой формулы. Реальная история оставила нас в сомнениях, поскольку до открытия Гука Ньютон ничего не сообщал о своих открытиях, но будем считать, что в этом варианте АИ, получив достаточное финансирование и все условия для работы, Исаак действительно стал первым.

Автор представила, как Разин выкидывает за борт шведскую принцессу Ульрику Элеонору, и ужаснулась собственной кровожадной фантазии.:--))) (особенно если учесть, что ей будет пятнадцать только к 1703 году, а Разину к тому моменту будет примерно 73. Самое то, чтобы захватывать вражеские столицы и очаровывать принцесс. Хотя... Если вспомнить Суворова, который в свои 69 с Альп на копчике скатывался...).

Кауфман, он же Меркатор, не путать со знаменитым картографом.

В реальной истории городом он стал в 1670 году. Но в моей АИ, с политикой поддержки переселения старообрядцев (причем и со стороны России тоже), появился раньше.

Реальная история.

Ньютон и на самом деле почему-то его не опубликовал. Труд наши спустя триста лет.

Гук тоже страдал тем, что не публиковал свои работы. Когда Гюйгенс подал патент на карманные часы, Гук пытался отсудить свое первенство, но попытка не увенчалась успехом, поскольку документы (протокол заседания Лондонского королевского общества, на котором Гук представлял свою работу) были утеряны. Нашли их относительно недавно (в 2000-х).

На самом деле, противостояние Ньютона и Гука в реальной истории – это целая эпопея. Феерическая. Гук оспаривал первенство многих ньютоновских открытий. Кто прав – за давностью лет не слишком понятно. Оба утверждали, что просто не публиковали уже сделанные открытия. Конфликт зашел так далеко, что став президентом Лондонского королевского общества, Ньютон уничтожил все портреты Гука. Те, что мы видим сейчас – реконструированы намного позже, по воспоминаниям современников.

Ружье конструкции Кальтхофа, выполненное неизвестным мастером и рассчитанное на 15 выстрелов, хранится в Эрмитаже. Так что данное изобретение вполне укладывается в реальность.

Выступы ствола, которыми орудие крепится к лафету.

В реальности это произошло в 1663 году. Я сдвинула событие, чтобы ГГ набрал военного опыта (не сразу против профессиональной армии) и опыта подавления оппозиции.

Такого, каким он был, например, в фильме «Дело было в Пенькове».

Если вдруг кто-то не знает, то дирижабль «Киров» – это классовый советский зубастый дирижабль из серии стратегий Red Alert (2-я и 3-я части).

В реальности Гук создал ее в 1674 году. Но тут он живет благополучно. Ни чумы, ни пожаров, ни скудного финансирования. Так что думаю, это приемлемое допущение.

Мельхиор в данной альтернативной истории.

На самом деле, в реальной истории он умер гораздо раньше. Даже если учесть, что в моей альтернативке о его здоровье начали заботиться, было уже поздно, чтобы переломить ситуацию. Плюс возраст (на 1672 год Глауберу было 68 лет). Ну и последствия постоянных отравлений не могли не сказаться.

В реальности пять тысяч датской пехоты, но тут она усилена наемниками, как и кавалерия.

В реальной истории 26 против 32, теперь 31 против 32.

Реальная история.

В реальной истории он умер еще в январе 1676 года, а в измененной курляндские врачи подправили ему здоровье. Так что к январю 1677 года он еще жив.

В реальной истории, во время Сконской войны, в битве при Лунде, на 8 000 шведского войска пришлось ровно 10 пушек, так что это не преувеличение.

В реальной истории Карл Якоб умер в 1677-м, но в моей альтернативке он проживет долгую и насыщенную жизнь.

Напоминаю, что в данном мире так называется мельхиор.

Фонограф в данной альтернативной истории.

Напоминаю, что буквально 15 лет назад совокупный внутренний доход Швеции был всего 3,5 миллиона талеров. Так что миллион, доставшийся Курляндии, – это с учетом стоимости оружия, ценностей, товара и т. д. Общая сумма.

В реальности герцогиня скончалась в 1676 году. Но для чего нужны курляндские врачи?